ПИОНЕР

П 29
34

11-12

ИЗД-ВО ЦК ВКП(б) „ПРАВДА" 1934 г.

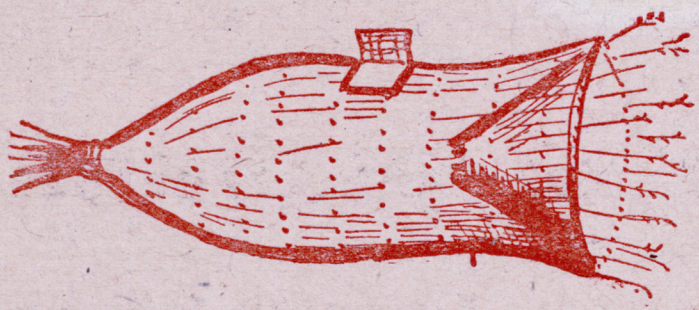
В борьбе за рабочее дело будь готов!

ПИОНЕР

№ 11-12

Орган ЦБ детской коммунистической организации им. Ленина при ЦК ВЛКСМ
Адр. ред.: ул. Горького, 8, тел. 5-50-76

Июнь 1934



ВЕРША

(к рисунку на обложке)

Такую вершу я сделал сам из ивовых прутьев и ловил ею рыбу в зарослях реки и озера.

Ивовые прутья растут всюду по берегам, и я выбирал самые тонкие и длинные.

Из более толстых я сделал 2 обруча диаметром в ½ м и прикрепляю к ним прутья так же, как прикрепляют их, когда плетут обыкновенную корзину. Как я это делал, смотри на рисунке.

Рис. 1

Прутья нужно ставить как можно теснее друг к другу, чтобы мелкая рыба между ними не пролезала.

К первому обручу прикрепляются самые длинные прутья, которые надо связать вверху веревками, чтобы не рассыпались, и переплетать тонкими прутьями, как на рис. 2.

К другому обручу прикрепляются короткие прутья и делается воронка с отверстием не шире кулака для прохода рыбы.

Необходимо сделать посреди верши отверстие с плотной дверкой, чтобы удобно было доставать из верши рыбу.

Воронку вставить в глубь верши и прикрепить покрепче веревками или тонкими прутьями, чтобы верша легла на дно, и чтобы не снесло ее течением, внутрь ее надо положить несколько камней.

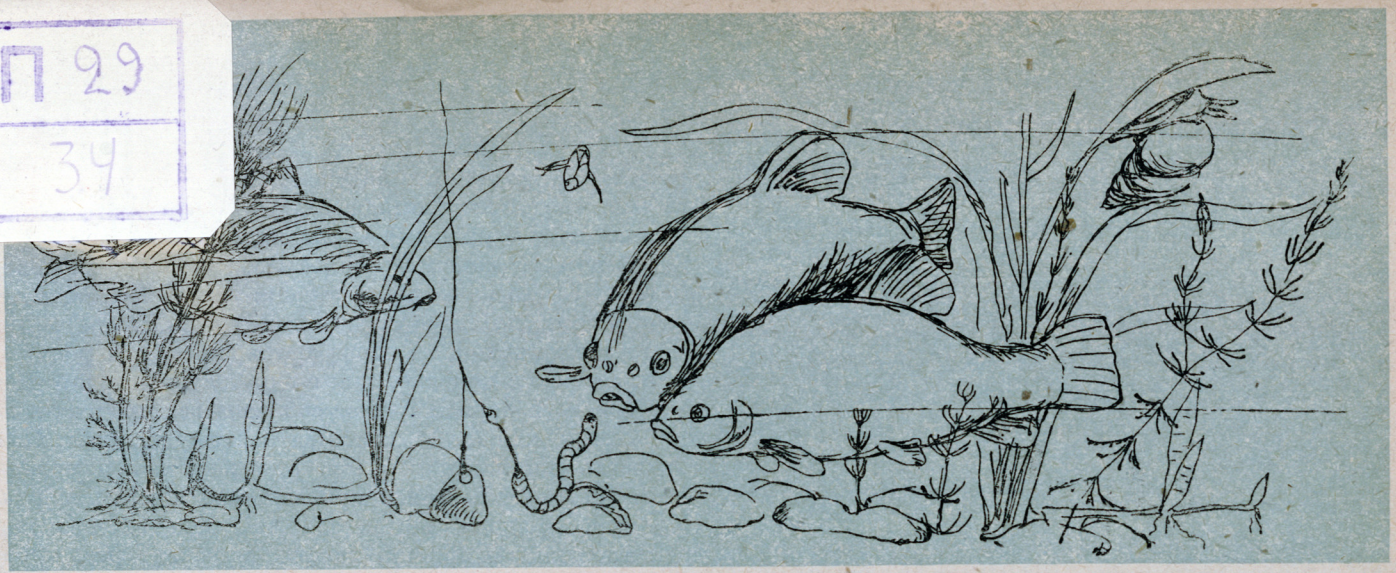
Рис. 2

Ставят вершу в горизонтальном положении, хвостом против течения, в зарослях.

Над вершой, которую я смастерил, смеялись, говорили, что она некрасивая, а все же рыбы в нее попадало много.

Обложка В. Губина

П 29
34



Секреты рыбной ловли

У писателя Сергея Григорьева за плечами большой опыт рыболова. Он знает много секретов рыбной ловли. Редакция попросила его поделиться этим опытом с читателями „Пионера".

Всех секретов он не раскрыл, но кое о чем рассказал. Советуем воспользоваться ими в лагерях.

Г.П.Б. в Лнгр.
Ц. 1934 г.
Акт № 584

первые ошибки удильщиков

Когда мне было лет пять, я приступил к уженью рыбы и должен поделиться своим опытом с товарищами-рыболовами, чтобы они не повторяли грубых ошибок, сделанных тогда мной и моим товарищем Гришей Андреевым.

Вот как было: прошел слух, что в пожарном чане на городской площади водятся в большом количестве золотые рыбки. Мы с Гришей немедленно вооружились. О том, что рыбу «удят», мы знали, видели удилища и поплавки, знали, что рыбу ловят в Волге и все-таки начали неправильно, потому, быть может, что слух о золотых рыбках застал нас врасплох. Мы взяли у матерей по булавке и согнули из них крючки. Помню, я для лески выбрал черную нитку с катушки № 30, а для удилища вырезал черемуховый прут. Отправились. Залезли на чан и уселись на краю, свесив внутрь ноги. Размотали удочки. Закинули и с замиранием сердца стали ждать: вот клюнет!

Вода в чану зеленая. Пахнет от нее тиной. Поплавки (мы сделали их, по волжским правилам, из легкой осокоревой коры) не шевелятся.

— Должно, нет рыбы! — шопотом говорит мне Гриша.

— Как это «нет»? Должна быть. Ага! Вон у меня клюет никак! Раз!

Я нарочно дернул рукой, чтобы поплавок шевельнулся, подсек...

— Эх, сорвалась!

— Ну да! Сорвалась! Я видел, что ты сам дернул...

— Много ты видел. Во какая клюнула!

— Золотая?

— Нет, зеленая!

— Врешь!

— Сам врешь...

— Я ничего и не говорил.

— А что же ты ко мне ближе пересел? Уйди дальше! На мою рыбу позарился? У тебя не клюет, так ты ко мне?..

Что было дальше? Вы, верно, угадали: подрались, поломали и закинули удилища и вернулись домой ни с чем.

Выводы:

1. Не следует пользоваться крючками из булавок, потому что эти крючки без зазубрины и рыба, если и клюнет, то с такого крючка непременно сорвется.

2. Не следует пользоваться для лески черными нитками.

3. Не надо закидывать в воду удочки без приманки.

4. Нехорошо садиться близко к другому удильщику и подсаживаться к нему. Берег велик. Рыбы в реке (уверяю вас!) масса.

5. Не всякому слуху верьте. Только ребенок может поверить, что в пожарном чане на площади водятся золотые рыбки.

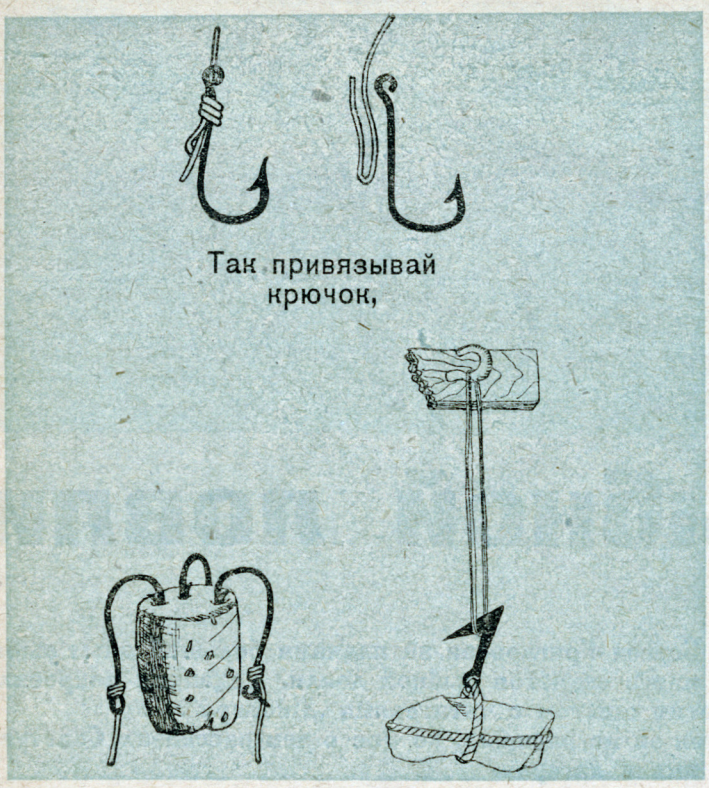
Однако я должен остановиться. Не угрожает ли моя заметка превратиться в книгу, в целое руководство для рыбной ловли?

Итак, приступим к положительным советам начинающим удильщикам.

Нет! Погодите!

Не следует думать, что, соблюдая все требования параграфов 1, 2, 3, 4, 5, вы непременно поймаете золотую рыбку! Ах! Золотые рыбки, кроме аквариумов, бывают только в сказках! Однако постойте, надо по порядку!

как привязывать удочку



Так привязывай крючок,

а так носи запасные крючки,

так закручивай леску.

Удочка привязывается не прямо к леске, а к поводку. Самый лучший поводок из так называемой «жилки». Жилки продаются. А делают их (вам это покажется странным) из кокона шелковичного червя, разматывая кокон и обрабатывая его особым способом. Жилка на воздухе тверда: ее надо, прежде чем привязывать, вымочить в воде (час-полтора) — она делается гибкой, не теряя прочности. У крючка бывает на конце колечко, или он расплющен лопаточкой. Не надо в первом случае соблазняться продевать поводок в колечко и завязывать жилку узелком. Надо всегда поступать так (см. рисунок): конец поводка сгибается петелькой и прикладывается вдоль крючка. Затем, придерживая место сгиба пальцем, обвивают туго жилку и крючок концом несколько раз, продевают остаток конца в петельку, образованную жилкой, и затягивают ее туго за короткий конец, который надо затем остричь. Вот и все. Вероятно, этот узел пионерам известен.

Отправляясь на рыбную ловлю, надо иметь запас удочек разных размеров с жилками: у вас могут быть «задевы» и обрывы, так как вы будете ловить разные породы рыб. Опасайтесь класть крючки просто в карман: они легко вонзаются в тело. Лучше всего запасные крючки воткнуть в обыкновенную пробку.

Не увлекайтесь составлением коллекций крючков. Не следует брать ни очень крупных (на акулу), ни очень мелких. Берите средние номера.

Кажется, об удочках достаточно.

леска

Шнур для уженья—лесу или леску—можно делать из разных материалов. Но, само собой, крученые нитки, даже толстые, мало пригодны для лески. Леска должна быть тонка, прочна, мало заметна в воде, не закручиваться, не поддаваться от воды размягчению и гниению.

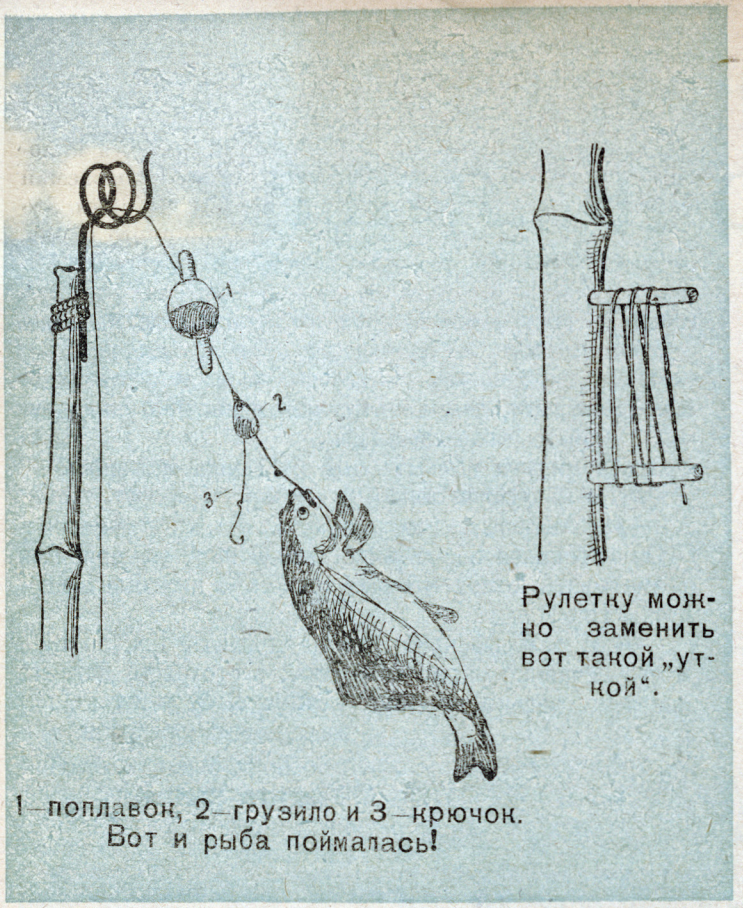
Волосяные (из белого конского хвоста) лески очень хороши, их приготовляют, скручивая несколько волосков. Крутить надо так: приготовляем крючок из ветки с сучком и к нему привязываем булыжник или другой груз. Связанные волоски надеваются одним концом на гвоздь (без шляпки), вбитый в перекладину, а на другой конец привязывается при помощи крючка груз. Крутните камень посильнее и ждите, пока он не остановится, — одно колено для лески готово. Оно будет длиной примерно 25—30 сантиметров. Из таких колен и связывается леска. Ее недостаток: она вся в узлах. Зато прочна и не гниет. Связывать лучше чередуя колена так, чтобы соседние колена были скручены в разные стороны, понятно, почему?

Предостережение: не увлекайтесь, покупая зеленые лески, «под цвет воды». Увы! Эти лески от воды скоро буреют и становятся в ней заметней, чем желтые, шолковые или серые, пеньковые.

удилище

должно быть гибко, легко, упруго, прочно, длинно... Лучше *бамбука* для удилища еще ничего не придумано. Но не везде и не всегда можно достать бамбук. Из наших деревьев едва ли не лучшее для удилища *ива*, именно *тальник*. Он вырастает часто на пойменных местах, близ рек, побеги, почти прямые и без сучьев, длиной в 4—5 метров. Сырой тальник очень тяжел для удилища. Его надо высушить, подвесив с грузом на конце *(тонким* концом *вниз)* в тени. Не пересушивайте! Пересушенный тальник ломок как сухие макароны. А что может быть хуже, если удилище сломается у вас в руке, когда вы тащите крупную (ну, конечно, крупную) рыбу!

Леска подвязывается к тонкому концу удилища (попробуйте-ка поднять бамбук за его тоненький кончик!). Леска привязывается к концу, но ни в коем случае не *концом*. Представьте себе, что у вас обломится (а с таловыми это бывает) конец удилища,—и леска пропала вместе с добычей и удочками! Поэтому к концу удочки привязывается прочно колечко, через которое и пропускается леска. Лучше ставить кольцо *заводное*, чтобы не продергивать в кольцо всю леску, начиная с ее конца, а заводить леску в кольцо любым местом. Заводное колечко легко сделать из куска жесткой проволоки (железной или бронзовой) толщиной 1½—2 миллиметра и длиной 5—7 сантиметров. Навиваем проволоку на карандаш, два или три витка, неплотно один к другому, так чтобы меж витками могла пройти самая толстая из ваших лесок. Затем колечко привязываем к концу удилища так же, как вы привязывали удочки к леске.



1—поплавок, 2—грузило и 3—крючок. Вот и рыба поймалась!

Рулетку можно заменить вот такой „уткой".

Подтягивая и отпуская леску через колечко, удобно укорачивать и удлинять леску, приспособляя к глубине реки. Это нужно еще и затем, чтобы «вываживать» крупную рыбу, которую нельзя сразу выхватить на берег: то отпуская леску, то осторожно подтягивая ее, мы выжидаем время, пока рыба утомится, и тогда ее берем. Чтобы легче было подтягивать и отпускать леску, применяют *рулетку*. Это очень хорошая штучка. Она укрепляется на удилище под рукой зажимом. Леску навивают на барабанчик, вертя рулетку рукой. Беда только, что рулетка дорога и довольно тяжела. Да их не всегда и найдешь в спортивных магазинах. А обычно удят сразу на 2 удилища. Значит, надо две рулетки. Давайте лучше обойдемся без рулетки, заменим ее простой «уткой», вроде той, что применяется для крепления флаглиня. На удилище под рукой приспособим два круглых колышка на расстоянии 10—15 сантиметров один от другого и намотаем на эту «утку» леску, привязав ее концом к одному из колышков. Чтобы леска не распускалась произвольно, держим удилище за «утку». А при переноске можно перетянуть «утку» поперек тесемкой или даже оставленным кончиком самой лески (завязывайте распускным узлом). Могу вас уверить, что при сноровке можно очень быстро сматывать и наматывать, т. е. отпускать и выбирать леску, и без рулетки, пользуясь «уткой». Мне много раз удавалось без рулетки вываживать и вынимать даже довольно крупных форелей (хариусов),—а это очень живая и бойкая рыба.

грузила и поплавки

Остается сказать два—три слова о грузилах и поплавках—и об удочке будет сказано главное. Грузило нужно, если вы хотите удить рыбу, которая плавает близ дна, отыскивая пищу. Сазан, например, бороздит донный ил подобно свинье, роющей почву в поисках вкусной еды. Такую рыбу надо ловить на донную удочку, с *грузилом*. Самый лучший материал для грузила — свинец, потому что грузило при небольшой величине должно быть достаточно тяжело. Лучшая форма для грузила круглая. Ушко для привязывания грузила излишне. Лучше всего пробить в грузиле тонким шилом сквозную дырочку, и через нее продеть леску. Леска должна ходить в грузиле как бусина на нитке, свободно, но узелочек в месте соединения лески с поводками надо сделать довольно большой, чтобы грузило не скатывалось по поводкам к крючкам. Такое грузило лучше чем привязанное наглухо. Даже если рыба берет тихо и слабо, вы это заметите, потому что рыбе не приходится клевком сдвигать с места тяжелое грузило: леска скользит в нем. Затем еще: на тихой или стоячей воде достаточно самого маленького грузила. Чем быстрее вода, тем больше должно быть грузило. Привязывать к леске каждый раз новое грузило хлопотно. Лучше иметь запас штук в 5—6 предлагаемых мной грузил-бус и нанизывать и снизывать их сколько нужно, прибавляя или убавляя груз сообразно силе течения.

Сигнал «клюнуло» передается по леске и удилищу руке рыболова,— это если рыба хищная и берет здорово. Но ведь рыба клюет по-разному: иная тронет приманку не один раз, прежде чем схватить ее. Надо знать, когда «подсекать» и «тащить», для чего и служит поплавок. Впрочем, поплавок у донной удочки служит еще для того, чтобы удерживать леску в воде в вытянутом положении, а у верховой удочки—поддерживать конец лески с крючком близ поверхности воды. Поэтому поплавок надо делать по возможности легким: поплавок из пробки со сквозным отверстием и клинушком из гусиного пера очень хорош—это, так сказать, классический поплавок, лучшего еще не придумали. Вынув клинушек, поплавок легко передвинуть и затем заклинить в любом месте лески сообразно глубине воды. Заметьте: если удочка *донная*, то грузило должно *топить* поплавок, если оно еще не дошло до дна. Такой поплавок хорош. Если же он держит леску с грузилом и крючками на плову,— велик.

Не увлекайтесь покупкой ярко раскрашенных в синий и красный цвета под лаком поплавков. Они привлекают мелкую, верховую рыбешку: она будет играть с поплавком и, шевеля его, обманывать вас: как будто клюет. Хорошо иметь два поплавка: черный и белый. Если вы удите лицом к свету или на блистающей воде, оснащайте леску черным поплавком, спиной к свету или в сумерки — белым поплавком. А еще проще: выкрасить половину поплавка в белый, половину в черный цвет матовой масляной краской.

Вот и все, что нужно для ужения рыбы.

Снизав с лески грузило и сдвинув поплавок к нижнему концу лески, донную удочку легко превратить в верховую и обратно.

Не соблазняйтесь видом «опытного» удильщика, который, отправляясь на лов, обливается потом, изнемогая под тяжестью сачков (для вынимания рыбы из воды), десятка удилищ разных размеров, кошеля или корзинки для рыбы (в виде боченка) и так далее, с грудью, увешенной карабинчиками для пристегивания ножниц, ножичков, запасного оборудования и прочее и тому подобное... Помните правило: *с наименьшими средствами достигать наибольшего результата*.

Пассажир в ящике

С. Урнис *Рис. П. Митурича*

21 июля 1933 г.
Казакстанская степь

От Актюбинска мы круто повернули в сторону от железной дороги. Надо было сократить путь. Шли по голой Казакстанской степи.

Была уже ночь. Пыль поднималась такая густая и плотная, что иногда закрывала как облаком большое звездное небо. Она забивала шоферскую кабину, набивалась к нам под брезентовый тент.

Тогда делалось совсем темно и душно как под одеялом. Руки сами тянулись за фляжками с водой.

И вот тогда шофер наш, дядя Леша, чихал на всю колонну, начинал править только левой рукой, а правой протягивал нам кружку за водой:

— Воды! Черти ваши бабушки!

Но вода была теплая и противная как касторка.

— Я хочу громадную глыбу льда из клюквенного морса! Я могу сейчас с'есть ведро мороженого и не кашлянуть,— орал Босняцкий, размахивая перед моим носом теплой фляжкой. — Почему я не поехал на Северный полюс!?

Босняцкий с воем выскакивал на подножку машины. Он искал прохладное место.

Но пыль и духота загоняли его обратно под брезент, и тогда он клялся, что в Москве круглый год будет жить в ледяном погребе.

— Сделай мне на минутку холодно, и я подарю тебе самое дорогое — вечное перо!

Но мне самому было не лучше Босняцкого. Я допивал восьмую фляжку противной воды...

Вдруг за нашими спинами подозрительно звякнуло ведро и раздался голос:

— Подарите мне, дяденька, я вам сделаю холодно...

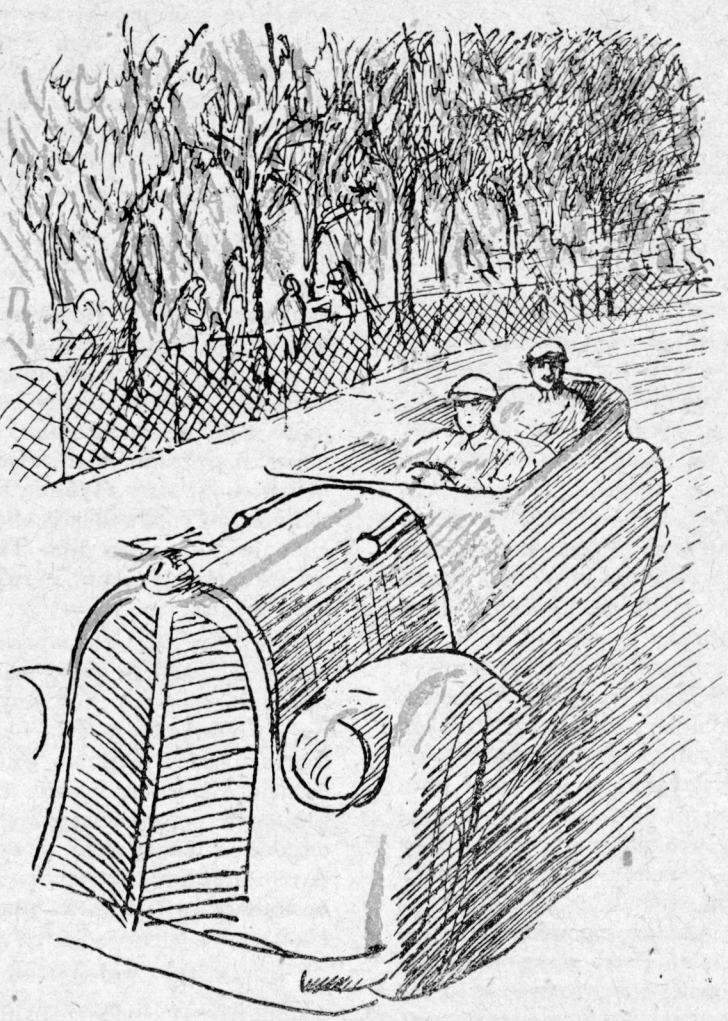
Мы обернулись.

— Кто там?

Кроме нас в машину никто не садился.

— Это я, дяденьки...

— Кто я? Ну-ка вылезай сюда...



„Он меня вез как нянька младенца в коляске".

— Помогите, дяденьки, на мой ящик наступил другой, какой-то тяжелый очень.

Через минуту мы вытащили из ящика мальчика.

— Ты как сюда попал?

— Из Актюбы...

Он устроился на сиденье между нами и принялся разматывать комок мокрых тряпок. В них был завернут кусочек льда.

— Вот вам, дяденька, лед, он холодный как зимой... Я его нечаянно украл в Актюбе, в столовой. Давайте мне перо, только то самое, вечное. Я буду писать как заграничный господин.

Босняцкий как фокусник в секунду проглотил льдинку и повернулся к новому пассажиру:

— Чорт возьми, какие нехорошие мальчики водятся в этих местах!

Мальчик молча встал, подошел к борту машины и высморкался на дорогу.

Начинало светать. Небо бледнело, звезды пропадали.

— Я знаю, дяденьки, вы меня привезете на станцию и отдадите в беспризорную контору. Оттуда я опять убегу и буду воровать.

— Тебя в исправдом посадят, очень прелестно будет тогда посмотреть на тебя.

— Дяденьки, возьмите меня с собой. Я читал в газете, вы далеко едете. Даже дальше чем я. Я пригожусь.

Дяденьки, я умею шины качать. Мне давал попробовать один шофер...

Стало совсем светло. Машины сворачивали с дороги и становились в ряд на площадке для стоянки.

Дежурный по кухне разводил костер. Громадные ветви кустарника летели в огонь. Повар, дядя Володя, вытаскивал из машины котлы для чая и завтрака.

Босняцкий велел мальчику не вылезать из машины, а меня отвел в сторону и сказал:

— Придется нашу находку везти до Аральского моря. Пять дней не встретим железной дороги, а там видно будет. Не бросать же его здесь в степи. Пойду его кормить.

— Семка, вытри нос, сейчас еда будет!

вечер

22 июля 1933 г.
Казакстанская степь

Семка—уже не Семка, а Семен. Он совсем привык к нам.

Мы только что остановились на ночлег. Машины выстроились полукругом, фонарями внутрь лагеря. Получилась большая площадка, освещенная электричеством. Свету не меньше чем на любой улице в Москве.

А кругом ночь. И очень тихо. Птицы и мелкое зверье удрали от машин на много километров. Такие рычащие чудовища со светящимися глазами им вдиковинку: до нас в этих местах автомобилей не было.

Босняцкий пристроился на ящике у фонаря нашей машины и пишет письмо в ТАСС. Сегодня холодный ветер, и он надел ватные штаны и тужурку.

Комары мешают Босняцкому писать, и Семен машет над ним горящей веткой из костра. Комары боятся дыма.

У Босняцкого хорошее настроение: он написал интересное письмо о пройденном пути. Он рад и шутит с Семеном.

— Сеничка,—говорит Босняцкий,—Сеничка, бросьте, моя радость, головешку, идемте за ужином, сегодня мы с вами дежурные по машине.

После бутербродов с чаем дядя Леша лег поудобнее и рассказал Семену сказку.

сказка дяди леши

«В некотором царстве, в советском государстве, между двумя морями и двумя степями, был город, и жил в этом городе мальчик.

Мальчик жил так себе, прямо скажу, по-свински. Спал, где придется, ел, что сумел выпросить или украсть.

И так было грустно смотреть на жизнь этого мальчика, что даже верблюды останавливались и плакали.

Однажды вечером в этот город приехали 23 автомобиля. Они ехали издалека, из самой Москвы, и держали путь-дорогу в пустыню Кара-Кум.

Мальчик влез в автомобиль, забился в пустой ящик и на рассвете следующего дня уехал из города вместе со всей колонной. Нашли мальчика в ящике поздно ночью, когда машины были далеко в степи.

Что делать с мальчиком? Оставить мальчика в степи—жалко: волки сѣдят мальчика; везти мальчика с собой — тогда надо брать всех желающих мальчиков из всех городов. А таких мальчиков так много, что и автомобилей в советском государстве не хватит, чтобы всех их посадить.

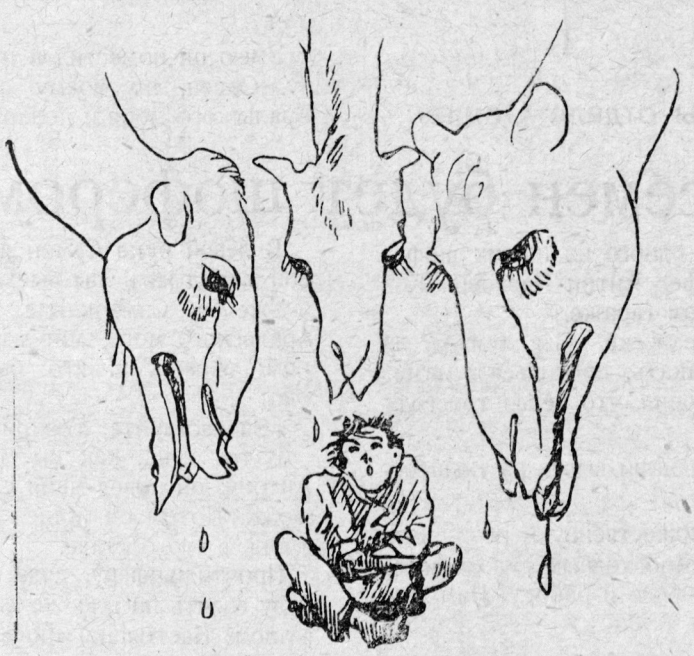
Вот один мужчина и придумал: раз мальчик любит на автомобилях кататься, довезем мы мальчика до станции Аральское море и поместим его учиться и работать в аральский гараж. Пускай мальчик на радость нам и верблюдам будет шофером.

Автомобили ехали через степь пять дней. На шестой день приехали в Аральск.

Мальчик был умный и послушный и хотел обязательно выучиться управлять автомобилем. Он остался в аральском гараже.

Прошло три года. Однажды возвращаюсь я с работы домой, и вдруг над самым ухом загудел свирепый автомобильный гудок, и знакомый голос окликнул:

— Здравствуйте, дядя Леша! Садитесь, прокачу!



„Даже верблюдам грустно было смотреть на жизнь этого мальчика“.

Это был бывший знакомый мальчик, а теперь взрослый молодой человек и шофер.

Сел я, и повез меня молодой человек как самый умелый шофер по всем правилам нашей автомобильной науки.

Я старый шофер. Ездил за рулем на автомобилях любой марки 25 лет. За свою жизнь проехал полмиллиона километров. Старый член автомобильного клуба. На автомобильных гонках получил не один приз. Целый стеклянный шкаф разных призов! Видел всякие виды. Однажды на гонках промчался два километра без заднего колеса. Но таких умелых молодых людей редко встречал.

Умница! Он меня вез в машине как нянька младенца в коляске.

Прохожие заглядывались на работу молодого шофера и на его машину. Милиционеры бурно аплодировали и кричали «Браво»!

А он сидел за рулем гордый, в черных кожаных перчатках, кожаной шапке, с чудесными очками и в желтом пальто с меховым воротником.

Молодой человек провез меня по бульварам, а потом свернул на Ленинградское шоссе и промчался со скоростью 160 километров в час. Скорее ехать нельзя!

У моего дома молодой человек остановил машину и вышел из кабины.

Мы попрощались. Машина сверкнула задним крылом и скрылась за углом.

Дядя Леша закончил сказку. Семен задумчиво посмотрел на фару, помочил во рту палец и, стерев со стекла грязные брызги, сказал:

— Это вы про меня сочинили сказку? Все правильно. Я тоже буду шофером. Отдайте меня в аральский гараж.

семен лезет под машину

24 июля 1933 г. Иргиз

После сказки дяди Леши Семен сдружился со старым шофером. Во всем подражает ему.

С утра дядя Леша идет мыться. С ним идет и Семен.

— Дядя Леша, разве шоферы обязаны зубы чистить?

— А как же? Какой же ты шофер с грязными зубами? Тебя все товарищи засмеют.

Семен добыл и себе зубную щетку.

Через два часа трогаемся из Иргиза к Аральскому морю. Все участники пробега работают у машин. Заправляемся бензином, водой, тавотницы набиваем маслом.

Раньше на нашей машине тавотницы набивал Босняцкий. Он был самый тощий, и ему легко было лазать между колес.

Теперь Босняцкий сидел на ящике и накачивал шину, а под машину полез Семен. Босняцкий учит его набивать тавотницы.

— Ну, влез?

— Давно уже!

— Ляг на спину!

— Давно уж лег!

— Возьми шприц!

— Давно уж взял!

— Золотой мальчик! Может давно уже все сделал? Ищи на передней оси, у колес, пупырушки с дырочками...

— Вот они, дяденька, как бородавки.

— Туда и накачивай... Дотказа.

Босняцкий побежал на телеграф отправлять очередную телеграмму. Семен старательно набивал тавотницы.

Во втором часу мы выехали из Иргиза. Здесь начиналась приаральская пустыня, Малые Кара-Кумы.

летающая змея

Летающую змею мы отдали Семке.

24 июля 1933 г. Малые Кара-Кумы

В 20-й машине едет мой старый знакомый—детский писатель Лоскутов. У меня с ним только что было такое приключение.

Все машины остановились у русла давно высохшей реки. Был крутой под'ем.

Налево, на песчаном холме, рос большой странный куст, очень похожий на сирень. Откуда здесь сирень, подумал я, и пригласил Лоскутова пройтись к холму.

У самого холма Лоскутов вдруг крикнул: «Падай»— и упал животом на песок.

Мимо моего плеча блеснула серебряная стрелка и упала за спиной на песок. Это была змея.

В ту же секунду Лоскутов наступил на нее сапогом. Затем он осторожно приподнял подошву и взял ее пальцами около самой головки. В таком положении она не могла укусить.

Это была прыгающая «змея-стрела», очень ядовитая.

Змею он поместил в пустую бутылку и отдал Семену. Семен, по моему совету, решил довезти ее до Аральского моря и подарить музею.

семен будет шофером

Здесь на счастье Семена у одного из наших шоферов встретился знакомый шофер Антон Павлович Косенко, работающий в аральском гараже.

Семен охотно остался в Аральске. Мы думали, на наших проводах он будет плакать, проситься с нами, а он, наоборот, смеялся и говорил, что через три года будет нас катать по Москве.

Перед самым от'ездом Босняцкий вылез на подножку и окликнул Семена:

— Сейчас я тебе скажу торжественную речь. Вы, Семен, будете наредкость превосходным мальчиком, если серьезно приметесь за учение и работу. Нам нужны трудолюбивые мальчики.

Помни мою сказку, не заставляй плакать верблюдов. До скорого свидания.

В левой руке Семен держал бутылку с змеей, правой махал нам. Мы выехали на дорогу в Казалинск.

Уже в Самарканде, через две недели пути от Аральского моря, мне вдруг подали конверт со штампом: «Аральск». Это было письмо от Семена. Вот оно:

«Здравствуйте, товарищи, дяденьки шоферы!

В тот день, как вы меня отдали шоферу, дяденьке Антону, он повел меня с собою в столовую и потом в гараж. Потом он пошел со мной в гараж, и теперь я бронь в его бригаде.

Прочти шоферу, дяде Леше, что через три года я буду ездить на всю железку и даже с одним закрытым глазом. Настоящий шоферский поклон вам от нашей бригады и от меня с дяденькой Антоном.

Семен, бронь из второй бригады аральского гаража».

СИНИЕ ЗВЕЗДЫ

(Продолжение)

А. Гайдар *Рис. Ф. Полищук*

К обеду из Каштымова прикатил Калюкин. Он слегка прихрамывал, но под испытующим взглядом Калюкихи молодцевато прошел к столу.

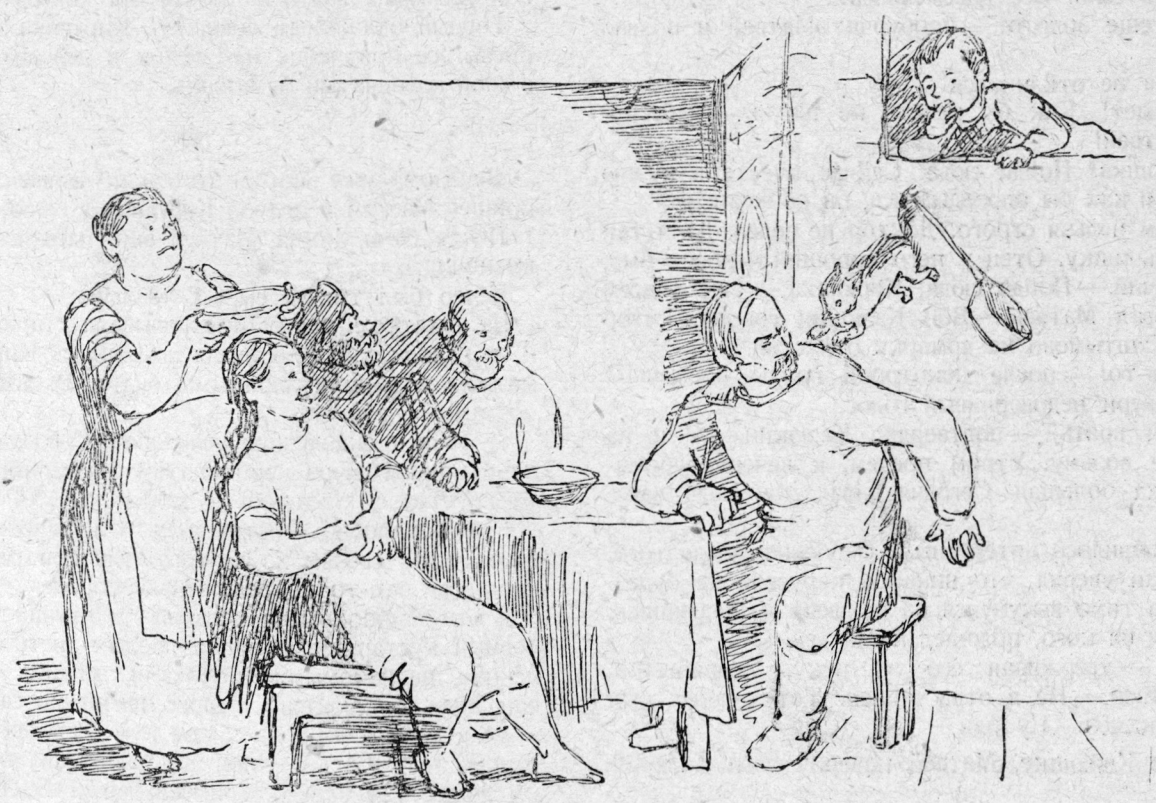
— Это пустяки, мама. Там машина новая. А шофер молодой, глупый, как рванет да чуть не на зубья бороны. Ну, я, конечно, скорей... Ну, она, конечно, меня... Да что ты, мама, уставилась? У них керосину двадцать тонн не вывезено, а он покрышки прорежет... Любанька! Уважь отцу, истопи баню. Мне завтра с утра опять обратно, а все тело зудит, да и шею я дегтем где-то измазал.

Вошел Матвей. Увидев Калюкина, он улыбнулся.

— Здорово, ударник! Ну как, кончили?

колец выхватил, а им из нашей что похуже сунул. Тут сидел кладовщик. Я стою, лицо горит. И ругаться — себя срамить — не охота и совестно. Так я, будто бы у меня живот схватило, повернулся — и за ворота. А потом Сулин моими же словами смеется: «Что взбеленился? Не для себя взяли. Что у них для государства, то и у нас то же». А я ему отвечаю: «Вот именно, что у нас для государства, то и у них то же. А тебе как и по-старому: только бы свой кусок засеять». Плюнул да и пошел, а рассердился он на меня, видать, крепко.

— Вам хватит, успокоил дед Пантелей. Нынче время такое быстрое, богатое. Сегодня нет, а завтра —



Разговор был прерван неожиданным грохотом.

— Завтра к вечеру все кончим. Еще кое-что забрать осталось: фонари, провода, ключи, свечи, магнето.— Здорово, дедушка Пантелей! Давай, заходи,— высовываясь в окно, закричал Калюкин.

Тут он насупился и потянулся свернуть цигарку. Но Калюкиха отодвинула пачку с махоркой и сунула ему ложку.

— Оно, конечно, слов нет, Сулин — человек башковитый. А я с ним не работник,— неожиданно заявил Калюкин.— Характеры у нас разные. Только сегодня каштымовский кладовщик со склада на минуту выскочил, а он мигнул да из ихней кучи связку поршневых

на, получай,— работай. Трактор у нас первый давно ли прошел? Как загрохотал, моя старуха на крыльцо выскочила, плюнула, три раза перекрестилась. А теперь их вон сколько. Я это-то сижу, спрашиваю: «Посмотри-ка, Ариша, Васька что ли на фордзоне поехал?» А она высунулась да и отвечает: «Эх, старый, старый, какой же это фордзон? Он на Хетезе либо на Сетезе поехал. Видишь, что труба высокая». Дед Пантелей покачал головой и тихо рассмеялся.

— Сулин у вас раньше председателем был? — спросил Матвей.—Дома у него кто остался? Семья что ли?

— Никого тут не осталось. Сын у него на Сахалин

уехал. Жена померла. Дом он как раз перед самой коллективизацией продал. Поеду, говорит, Днепрострой строить. А он по кузнечному мастер. Кузница наша раньше костюховской была. А он у него вроде как бы исполу работал. Ссорились: Костюх напьется: «Моя кузница». А Сулин: «Мало что твоя, да я в ней хозяин». Один раз Костюх чуть ему шкворнем башку не просадил. Зато уж потом, когда попал Александр Моисеевич в председатели, так он на Костюха с налогами насел, что Костюх взвыл только. Сразу за сулинского сына дочку свою замуж отдал. А раньше было ни вкакую.

Разговор был прерван неожиданным шипеньем и грохотом. С печки слетел деревянный ушат, за ним с жестянкой на хвосте скакнул на спину Матвея ошалелый котенок, а вслед высунулось сконфуженное лицо Кирюшки.

—Все балуешься, дьяволенок! — сбрасывая котенка, крепко выругался Матвей.—Тебя доктор со мной для баловства послал? Тебе сказано, чтобы спокой, а ты — вон что.

Ошалелый от звона жестянки котенок птицей метнулся на шкаф, не удержался и, зацепив когтями старые калюкинские штаны, вместе с ними свалился в порожнюю кадку из-под капусты. А покрасневший как паренный бурак, смущенный и оскорбленный Кирюшка, выскочил в сени. Все рассмеялись!

— Вот еще золото! — пробурчал Матвей и позвал Кирюшку.

Кирюшка не откликался.

— Не идет! Как бы реветь не начал, — забеспокоился Матвей!

— Кирюшка! Пойди сюда. Сейчас вместе в кузню пойдем...—и как бы оправдываясь, он об'яснил:

— С ним нельзя строго. Доктор не велел. Да и так жалко мальчишку. Отец у него хороший человек был, свой, рабочий.— Пойди сюда, Кирюшка,— уже совсем мягко позвал Матвей.—Вон Калюкин говорит, чтоб я тебя в Каштымово на ярмарку отпустил.

— Врать-то! — после некоторой паузы послышался из-за двери недоверчивый голос.

— Зачем врать? — подтвердил Калюкин.— Я и на самом деле возьму. Утром поедем, к вечеру вернемся. Ярмарка большая. Сегодня видал: карусель налаживают.

Это становилось интересным. Особенно после того, как Фигуран уверял, что никакой карусели не будет.

Кирюшка тихо высунулся из-за двери и, надувшись, не глядя ни на кого, подошел к Матвею:

— Рёва! — удерживая его за руку, укоризненно сказал Матвей.— Не в отца пошел. Тот человек был крепкий... камень. Ну иди.

Отпустив Кирюшку, Матвей повернулся к Калюкину:

— Мы с его отцом в германскую в одном полку служили. Так, поверишь ли, окопы, грязь, тоска, голод, холод. Иные совсем обалдели, как скоты. Куда идут? Куда ведут? А он, бывало, хлопнет меня пятерней по плечу. А пятерня здоровая: «Не робей, Матвей! Шагай крепче, а наша правда все равно наружу выйдет». Смелый был человек. Вот однажды послали нас с ним в соседнюю роту для связи. А погода была темная, грязная... Вдруг окликает нас офицер...

Почувствовав, что кто-то сжимает ему локоть, Матвей обернулся, поперхнулся и почти испуганно замолк.

Побледневший Кирюшка стоял рядом и, широко открыв глаза, с огромной жадностью ловил каждое сказанное слово.

— Да... Гм... Вот идем это мы, значит. Гм!.. А подай-ка мне, друг Калюкин, табачку... закурить... Что-то нынче табак плохой пошел, слабый: куришь, куришь как солома... О чем это я... Да! Так пускай, Калюкин, он с тобой завтра на ярмарку поедет. Там то да сё... Карусель. Беги-ка, Кирюшка, посмотри: кажись, чужая собака во двор забежала.

— Д-у-ра-к! — выругался Матвей, когда Кирюшка тихо и послушно вышел за дверь.—Нельзя при нем про отца рассказывать. Болеет. Видали, как он глаза-то разинул?.. Хороший у него отец был,— скороговоркой докончил Матвей.— На таких-то людях советская власть строилась.

★

Кирюшка был очень обрадован. Правда, сначала смущал уговор идти завтра на рыбалку. Но он успокоил себя тем, что, во-первых, на рыбалку можно каждый день, а на ярмарку — не каждый. Во-вторых, Степашка и Фигуран бывали, конечно, на ярмарке уже сто раз, а он — еще ни разу.

Ему не терпелось, и он хотел, чтобы ночь прошла поскорее. Тотчас же после обеда он вычистил сапоги. Потом развязал узелок, достал чистую рубаху и раз десять вытаскивал подаренную матерью пятерку.

Калюкина попросила его купить на ярмарке три иголки, а Любка наказала поискать полметра резиновой тесьмы и взять на почте два конверта.

Гордый оказанным доверием, Кирюшка важно переписал все поручения на листок и деловито сунул его в свой клеенчатый бумажник.

★

Вечером, уже после того как вымылся Калюкин, пришел Матвей и позвал Кирюшку в баню.

После бани, когда Матвей еще одевался, Кирюшка выскочил в сад.

Вечер был тихий, сырой, теплый.

На пригорке мерно поскрипывала старая мельница, и ее распластанные крылья показались Кирюшке лохматыми и такими длинными, будто бы доставали они до самого неба.

— «Как в сказке про великанов»,—подумал Кирюшка и покосился на черную гущу кустарника, где что-то хрустнуло, пискнуло и замолкло.

Рядом жалобно свистнула ночная пичужка и, точно в ответ ей, совсем из другого угла три раза сердито каркнула чем-то потревоженная ворона.

И эта длиннокрылая мельница, и птичий разговор, и черный кустарник, и запах прелых листьев, и наполненная незнакомыми шорохами тишина — все было еще ново, непривычно и даже немножко страшновато.

«А что, если бы и на самом деле были черти, ведьмы, разные страшилы? — подумал Кирюшка. — В городе им негде: там светло, трамваи, милиционеры. А здесь темно, тихо».

Он запахнул пальтишко и негромко позвал:

— Дядя Матвей! Ты скоро?

Матвей не отвечал.

— «А как открылся железный засов... — вспомнил охваченный страхом Кирюшка.— Разве же засовы сами открываются?»

Кирюшка быстро скакнул назад к бане, но тотчас же остановился, потому что под ногами громко треснула сухая ветка.

Вдруг через просвет кустарника он увидел в поле далекие движущиеся огоньки и услышал слабый, но очень знакомый шум.

— Трактора на пашне, — сам не зная почему обрадовался Кирюшка.— Смотри, какие хорошие! — улыбнувшись, прошептал он.— С фонарями пашут.

И, прислушиваясь к ровному бодрому шуму машин—машин, к которым он привык на заводе с глубокого детства, Кирюшка рассмеялся над своими пустыми и случайными страхами.

— Может быть, это Фигуран нарочно отодвинул, чтобы попугать Степашку. Он, Фигуран, хитрый. Бога нет, чорта нет. Степашка—трус. А я буду смелый... Как папа... — добавил Кирюшка, вспомнив обрывок из недоконченного матвеева рассказа.

— Ну! Что кричал?—появляясь из-за кустов, спросил запарившийся и отдувающийся Матвей.

— Так... ничего,— уклонился Кирюшка. Он взял Матвея за руку и, шагая с ним рядом, неожиданно спросил:

— А что, дядя Матвей! Ведь скоро у нас всего много будет. И отец мне говорил, что много, много...

— Чего много? — не понял Матвей.

— Ну всего: машин, аэропланов, стратостатов.

— Конечно, все будет. И машины и стратостаты. А, главное, чтобы жизнь хорошая была.

— И будет!

—Обязательно будет! — подтвердил Матвей.—Сам видишь, как кругом люди стараются.

И хотя Матвей сказал это так, вообще, но Кирюшка понял его по-своему и обернулся туда, где мерцали далекие огоньки и откуда все ясней и ясней доносился ровный, несмолкающий шум.

Под однотонное ворчанье Калюкихи, которая, не переставая, поругивала опять запропастившуюся Любку, скоро и тихо заснул раскрасневшийся и усталый Кирюшка.

Поздно уже пришла запыхавшаяся и веселая Любка.

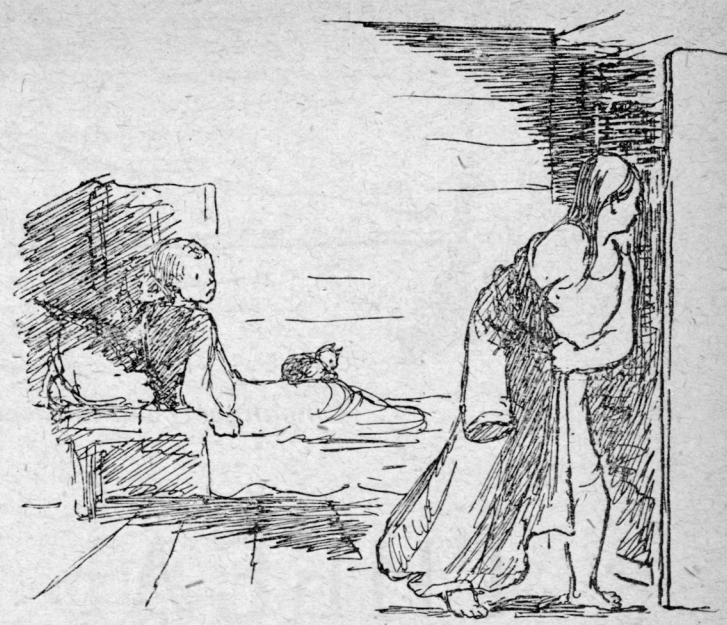
Прежде чем мать успела открыть рот, Любка сама выругала ее и за то, что на ночь не открыла форточку, и за то, что мать развесила в избе стираные калюкинские подштанники.

— Работаем как люди, а живем как свиньи,— грубовато упрекнула она.

Сунула руку в карман, выложила перед матерью яблоко, горсть каленых семечек и, захватив с подоконника жестяную коптилку, собралась в баню.

— Керосину долей. Там на донышке. То-то промоталась! Пойди-ка, вся баня остыла.

Любка потрясла коптилку: там чуть булькало. Но лезть в чулан за керосином ей не захотелось, она схватила узелок и ушла.



Накинув матвеево пальто, Любка умчалась обратно.

Проснулся Кирюшка не сразу. Сначала толстая Калюкиха выскочила в сени. Потом, громко стуча наспех обутыми сапогами, выбежал Матвей, за ним — Калюкин.

Остервенело рванулась спущенная с цепи собака. Босиком заскочила в избу мокроволосая Любка и, накинув матвеево пальто, умчалась обратно.

— Что же такое! Почему такое? — потирая глаза забормотал Кирюшка.— Дядя Матвей! Любка!.. Что же такое?

А случилось вот что.

Еще не успела Любка вымыться, а коптилка уже зачадила и потухла. Кое-как вымывшись, Любка села расчесывать мокрые волосы.

Вскоре наружная дверь скрипнула. В предбаннике чиркнула, но не зажглась спичка, и Любка решила, что это пришла мать и принесла свечку. Только что хотела Любка ее окликнуть, как дверь отворилась и кто-то, тяжело кашлянув, ввалился в мыльную.

Подумав, что это вернулся позабывший что-либо Матвей, Любка окликнула, но в эту же минуту сверкнула и погасла спичка, и при короткой вспышке Любка увидела какого-то совсем чужого человека.

Тогда, не растерявшись, Любка схватила попавшуюся под руку кочергу и со всей силой ударила перед собой.

Послышался крик и, опрокинув кадку со щелоком, ночной гость выскочил в сад.

А Любка, высадив кочергой окошко, заорала так громко, что ее сразу услышали и Калюкиха и Матвей, а за ними и сам Калюкин.

Когда все вернулись домой и мало-мальски успокоились, то стали гадать, что бы это все могло значить.

— И какого чорта носит в потемках,— тяжело дышала и охала Калюкиха.— Недавно собака ночью так и рвалась к саду. Говорила я тебе, Семен, сделать замок к коровнику. А ты... ладно да ладно... Сведут корову, будешь тогда помнить.

— Так разве-то Любка корова? — оправдывался Калюкин.— Разве же в баню за коровами лезут?

Опять прикидывали и так и этак. Наконец, порешили, что это схулиганил кто-либо из парней. Благо в этот день был праздник и кое-где ребята крепко подвыпили.

— И здорово ты ему кочергой с'ездила? — заинтересовался Кирюшка.

— Уж попомнит,— злорадно ответила Любка. — Не знаю только по плечу или по голове ему стукнула. А кочерга тяжелая.

Вскоре улеглись и потушили свет. Кирюшка уже спал, когда на постель к нему тихонечко запрыгнул котенок. Кирюшка втащил его под одеяло, положил около шеи и погладил. Котенок ласково замурлыкал. Тут они оба помирились за утреннее и крепко уснули.

(Продолжение следует)

Странное облако вырастало из жерла вулкана.

ГИБЕЛЬ ПОМПЕЙ

А. К. Покровская

Рис. Н. Истомина

ГАЙ ПЛИНИЙ КОРНЕЛИЮ ТАЦИТУ КВЕСТОРУ В РИМ

Ты просишь меня написать подробности о смерти дяди.

Мы мирно жили в Мизенах. Дядя как адмирал римского флота должен был находиться при кораблях, а корабли стояли в мизенском порту.

В тот день, 23 августа, дядя занимался, лежа в кабинете. Я был возле него. Вдруг вошла мать и показала нам на Везувий и дальние горы.

Облако необычайного вида стояло над горами.

Дядя тотчас приказал подать башмаки, и мы взобрались на ближайший холм: оттуда была видна вся линия гор.

Странное облако вырастало на наших глазах. Оно было похоже на дерево: высокими прямыми стволами поднималось вверх, а вершина его расползалась точно множество веток.

С холма ясно было видно, что это дым из жерла вулкана. Дядя был чрезвычайно заинтересован. Он хотел наблюдать извержение вблизи вулкана и приказал подать легкое судно.

Только что он собрался, как раб подал ему письмо от начальника гарнизона в Ретине с просьбой выслать флот для спасения солдат и жителей.

Из Ретина спастись можно было только морем.

Дядя немедля приказал поставить корабли под паруса, и сам поплыл во главе эскадры. Они прибыли вовремя, спасли гарнизон и многих жителей.

Дядя непременно хотел подплыть возможно ближе к месту действия: ты знаешь его страсть к исследованию. Но подойти к берегу вблизи вулкана стало уже немыслимо: море кипело как в котле. Пепел и горячие камни начали падать на палубу. Штурман советовал вернуться. Но дядя не захотел. Он вспомнил, что дача Помпония, его друга, находилась в Стабии, теперь уже погибшей, на самом берегу залива.

Помпоний со своими домашними уже вынесли из дома необходимые вещи и, подавленные, испуганные, растерявшиеся, сидели на берегу.

Дядя стал уговаривать всех успокоиться и вернуться в дом. Он попросил приготовить ему ванну, выкупался и вышел к обеду, заражая всех своей бодростью и спокойствием.

А из вулкана, между тем, стало вырываться пламя. Никто не решался лечь спать, только дядя заснул спокойно и крепко. Но вскоре пришлось его разбудить: пепел стал падать так сильно, что испугались, как бы не засыпало выходы из дому.

Землетрясение усилилось. Дом качало из стороны в сторону. Но страшно было и покидать его: на улице сыпались горячий пепел и камни. Все привязали себе к головам подушки.

Когда выбрались на взморье, дядя вдруг ослабел и стал задыхаться: он попросил положить себя на ковер.

Из вулкана уже потекла лава огненной рекой, а впереди ее заклубился дым, полный сернистых испарений.

Нужно было снова убегать. Когда рабы подняли дядю, он упал на ковер без дыхания: ядовитый дым задушил его.

Только на третий день нам удалось разыскать его тело. Он спокойно лежал на ковре и, казалось, заснул, а не умер...

...Ты спрашиваешь, как мы с матерью пережили эту страшную катастрофу.

Мы здесь привыкли к землетрясениям, но в эту ночь толчки были так сильны, что я боялся, как бы не рухнули стены...

Среди ночи мы вышли во двор.

Не знаю, приписать ли это моему бесстрашию или легкомыслию, только я стал читать Тита Ливия и делать из него выписки.

Утро наступило, но не рассветало. Дома вдруг так закачались, что, казалось, всех нас раздавит.

Тогда мы решились покинуть город. Жители бежали вокруг нас как стадо баранов.

Выехав за город, мы остановились. Кругом происходило нечто необычайное: повозки наши катились взад и вперед; напрасно подкладывали камни под их колеса: их нельзя было удержать.

Море вдруг отхлынуло от берега, и дно морское обнажилось: на песке копошилось множество морских животных.

Облако над вулканом выросло в огромную тучу. Раздавался страшный грохот. Огненные языки пламени вспыхнули по всему горизонту. Горячий пар клубился в воздухе. Начался пепельный дождь.

Стало так темно, как никогда не бывает в самую темную ночь. Темно как в запертом погребе.

Начался хаос: крики мужчин, вопли женщин, плач детей. Кто потерял ребенка, кто родителей; жена ищет мужа, муж не может найти жены. Многие звали смерть; некоторые молились, а иные кричали, что богов нет и наступил конец мира.

Пепельный дождь был так густ и силен, что мы поминутно вставали и отряхивались: нас иначе засыпало бы с головой.

Наконец, дневной свет забрезжил сквозь туман и дым и солнце, тусклое и неясное как во время затмения, показалось на небе.

Все вокруг было покрыто сугробами пепла.

●

С тех пор, как Гай Плиний младший писал это письмо, прошло 1855 лет. В 79 году нашей эры произошло это страшное извержение Везувия, когда три города: Стабия, Геркуланум и Помпеи—были засыпаны пеплом и залиты лавой, когда пепел долетал до противоположного берега Средиземного моря: до Египта и Сирии.

Утро в Помпеях

День 23 августа начался как все. Еще далеко до рассвета в помпейском порту уже кипела обычная суета.

Корабли из дальних стран: Египта, Сирии и Греции—стояли у пристаней.

На большой геркуланумской дороге тянулись запряженные мулами повозки с зерном и живностью, вином и маслом. Ослики тащили корзины с овощами, виноградом, орехами и яблоками. Цветочницы носили охапки горных фиалок, рыбаки—свой ночной улов.

Все везли и несли в веселый город Помпеи.

В Помпеях еще спали.

Только журчала вода в уличных канавках. Только на перекрестках звонко падали струи фонтанов.

Вот резкий звук, звук цистра, разбудил сонную тишину улиц. Это жрец в храме богини Изиды призывал верующих к утреннему служению.

В доме Салюстрия, близ геркуланумских ворот, в пекарне, затопили печь. Сквозь ставни послышался скрип жерновов ручной мельницы. Раб, приставленный вертеть ее тяжелый рычат, уже начал свое безрадостное кружение.

В попине—харчевне—отворили ставни. Там шла стряпня. В печке, под прилавком, горели уголья. В котлах, вмазанных в каменную доску прилавка, варились бобы, разогревалась свинина и закипала похлебка с чесноком.

Раб притащил из пекарни корзину горячих ячменных лепешек. Другой—разбавлял водой кислое вино в глиняных кувшинах.

К прилавку, прямо на улице, подошли погонщик мулов и носильщик с большим, тяжелым кувшином на спине. Остановился мастеровой по дороге в мастерскую. Забрел старый нищий в рваной тунике. Тут же оказались уличный флейтист со своей подругой, канатной плясуньей; ученая обезьяна сидела у нее на плече; раб с бронзовым кольцом на шее; бродячий жрец, предсказатель будущего. Каждый стремился побольше поесть на целый день за два асса (7 коп.).

●

Улицы наполнялись стуком, лязгом, криком, на узких тротуарах становилось тесно.

В это утро все поглядывали на холм. Везувий стоял совсем близко. Его черный кратер подымался прямо над Помпеями и был виден со всех улиц и переулков. Везде в окрестностях лежала лава.

С незапамятных времен в Помпеях помнили холм потухшим. С незапамятных времен на нем росли рощи олив и зеленели луга. Виноградники на склонах

Везувия слыли самыми плодородными. Временами слышался подземный гул, и довольно часто случались землетресения. Но в первый раз в это утро над черным кратером Везувия появился дым.

●

Уличный шум не доносился до прохладных спален богатых помпейцев: окон на улицу не делали.

Вот дом судьи Пансы.

Вся наружная стена дома скрыта за густой завесой из цветущих роз.

Тяжелая, окованная медью дверь приоткрылась.

Высоченный эфиоп, привратник, высунул курчавую голову. Вытянув шею, он осматривает улицу: выйти наружу не может: цепь коротка. Он прикован на цепь как собака.

Внутри дома уже началась бесшумная суета рабов.

В домашней бане грели душистую воду для утренних ванн.

В летней столовой влажной губкой вытирали расписанные картинами стены, взбивали шитые золотом подушки на застольных ложах (в Помпеях возлежали за едой).

красной и черной красками. У помпейцев не было бумаги.

Всех привлекает самая свежая афиша:

«Труппа гладиаторов Нумерия феста Амплиата снова даст бой 24 августа. При этом будет сражение со зверями. Амфитеатр будет покрыт».

Тут же, у подножия колонны, цветочница раскладывает венки из роз, букетики цикламен, листья пальм и ветки мирта.

●

Огромный амфитеатр стоял на краю города. 20 тысяч человек — все население Помпей — могло уместиться на его сиденьях.

В это утро уже началась подготовка к завтрашним играм.

Рабы посыпали свежим песком обширную арену.

Матросы с военных галер приводили в порядок огромные полотнища полосатой, белой с красным, парусины. Ее завтра натянут над амфитеатром в защиту от солнечного зноя.

В подземельях амфитеатра рычали львы. Их не кормили сегодня, чтобы завтра, в голодной ярости, они неистовей бросались на свои жертвы.

Когда носилки судьи Пансы достигли городской площади форума, там уже кипела жизнь.

Звонкий детский смех раздался в перистиле (внутреннем дворике). Маленький сын Пансы спозаранку прибежал из детской посмотреть на редкостных рыбок, которых вчера только пустили в мраморный водоем, окруженный цветами.

Два мальчика-раба бежали за ним как собачонки.

В переднем дворике, атриуме, уже собирались просители, приживальщики; подчиненные хозяину люди — клиенты. Все они ожидали выхода Пансы.

На улице четыре рослых раба подошли к дому с позолоченными носилками.

В это утро как всегда Панса собирался на заседание суда.

●

Когда носилки судьи Пансы достигли городской площади — форума, там уже кипела жизнь.

Между колонн, под навесом из парусины, располагались торговцы вином, фруктами, сластями. Мальчишки разносили пирожки.

Второнке собрались школьники в ожидании учителя. Школьные занятия начнутся тут же, на открытом воздухе.

Один рисует на стене план лабиринта. Другой звонко декламирует стихи Гомера. Несколько мальчуганов побежали посмотреть афиши.

Афиши и об'явления написаны прямо на стене

На бой со львами обрекли двух преступников. Пока они содержатся в городской темнице.

В школе гладиаторов идет последняя репетиция завтрашних выступлений.

Голые атлеты упражняются в кулачном бою.

Фехтовальщики фехтуют деревянными мечами. Завтра они будут убивать друг друга настоящим оружием.

●

С утра стоит необыкновенная духота. Ни малейшего ветерка. Рыбаков удивляет: откуда в заливе такое волнение? В воздухе не колыхнет, а по воде ходят широкие, тяжелые валы.

Розовый дым над холмом вырастает, между тем, в огромную серую тучу. Туча застилает синеющее небо, желтоватой дымкой окутывает его.

Вдруг зловещим гулом прокатился первый подземный гром.

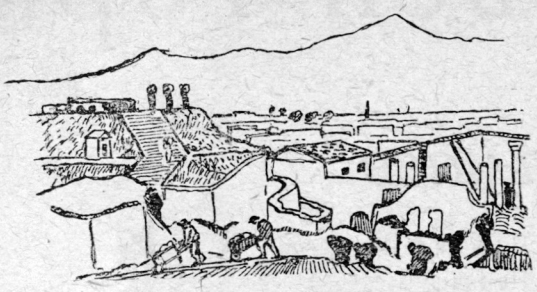
В сером, дымном тумане закружились хлопья горячего пепла.

Удушливый мрак одел Помпеи. Ночь пришла сразу вслед за утром.

Грохот падающих колонн слился с подземным грохотом вулкана. А пепел валил как снег во время северной вьюги.

В два дня Везувий насыпал над живым городом пепельную могилу.

Раскопки



Медленно откапывают мертвый город.

Прошло семнадцать столетий. На могиле Помпей итальянцы возделывали виноградники.

О Помпеях давно забыли. И вот однажды в виноградниках раскопали ряд колонн и стены дома. Это случилось в 1749 году. Тогда начались раскопки Помпей и продолжаются до сих пор, уже 185 лет.

Копают медленно. Работают с большой осторожностью, чтобы ничего не пропустить, ничего не разбить и не испортить.

Пепел лежит над Помпеями на шесть метров. Он плотно набился повсюду и затвердел, превратился в пористый камень—пемзу.

Иногда в пемзе попадаются пустоты. Это значит: здесь что-то истлело. Может быть, какая-нибудь деревянная вещь, может быть, тело человека или животного.

Такие пустоты стали заливать гипсом. Получились точные слепки истлевших тел в тех самых позах, в каких их застала гибель.

Все, что было из камня, из кости, из металла, из стекла или глины в целом или разбитом виде, сохранилось: монеты, драгоценности, серебряная и бронзовая, хрустальная и стеклянная посуда, треножники, статуи.

Во внутреннем дворике дома судьи Пансы, у мраморного водоема, лежало три детских скелета.

В городской тюрьме преступники, приговоренные к бою со львами, так и остались в своих камерах.

Скелетов львов не нашли.

Никто не сменил воина у городской стены. Верный долгу, он так и простоял на часах 1700 лет.

В храме богини Изиды скелет жреца остался за столом: рыба, яйца и вино стояли перед ним.

Вероятно, он умер скоропостижно.

В узких проходах между домами скелеты откапывают целыми группами. Некоторые сжимали в руках бронзовые фонари. Они бежали в той непроглядной тьме, которую описал Гай Плиний.

Около пригородного трактира нашли четыре сцепившихся женских скелета: пожилая женщина прижимала к груди маленькую девочку, а две молодых повисли у ней на шее.

На трактирном дворе позабыли отвязать осла. Его белые челюсти все еще сжимали бронзовые удила.

Многие погибли от жадности.

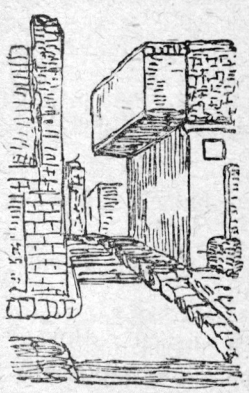
Когда при раскопке улиц или садов находили монеты или золотые вещи, — с уверенностью начинали искать вблизи человеческие кости.

Воров с отмычкой нашли на кладбище, около склепа богача.

До сих пор открыли около 2000 погибших людей. А жителей в Помпеях было больше 20 000.

Многие погибли на дорогах, многие потонули в море. А многим удалось спастись.

Вторая жизнь



Сохранились узенькие улицы.

От Неаполя полчаса на трамвае.

«Помпеи, синьоры!»

Помпеи лежат в кольце из вынутой при раскопках земли как в котловине.

Путешественники со всего света группами ходят по узким улицам, заходят в дома и храмы, пробираются между обломками колонн на форуме.

— Какие узенькие улицы!

Колея, выбитая колесами повозок, заняла всю ширину мостовой.

Вон мастерская медника, там суконовальня, а здесь остатки харчевни.

В каменный прилавок вмазаны котлы и сосуды для вина.

А вот вывеска «Здесь не переводится хлеб» — это пекарня в доме Салюстрия. Готовые хлебы лежат на полках, но если их попробовать, — сломаешь зубы: они превратились в камни.

В расписанных сенях дома Пансы сохранился след от цепи привратника. В перистиле уцелели мраморный водоем и фонтаны. Цветы вновь насажены вокруг водоема, и, если повернуть кран,—вода забьет каскадами из фигурных фонтанов.

На форуме сохранились все надписи.

Вот тут детской рукой сделан чертеж лабиринта и написано: «Здесь жил Минотавр».

Вот афиша, привлекающая зрителей.

В театрах и храмах, в общественных банях и торговых рядах, на площадях и в узких улицах, в домах и лавках — везде следы внезапно прерванной жизни. Так и кажется: вон из того кривого переулка выйдет высокая фигура, закутанная в тогу.

Но Помпеи безлюдны. Везде тишина. Только ветер шелестит грудами пепла. Везувий дымит над Помпеями и день и ночь.

Итальянцы развели на склонах Везувия виноградники и сады.

Зубчатая железная дорога доходит почти до самого кратера, и путешественники заглядывают в его черное дымящееся жерло.

Но Помпеи безлюдны.

Опыт на Козьей горке

Рассказ Сергея Григорьева *Рис. С. Гутина*

Артур Мамаев

Тот день начал как всегда обычно и мирно: я утром сел в своей мастерской перед окном за письменный стол, а Костя Мамаев вышел на улицу с баяном, сел на лавочку и принялся наигрывать свое:

— Тырли-бутырли! Тырли-бутырли! Тырли-бутырли-бута!

Баян больше самого музыканта, и видно, что Косте трудно раздувать меха...

— Тырли-бутырли!

Вдруг на задах, где огороды, поднялся женский крик—дело обычное.

Крик сильнее. И вот доносится:

— Костька! Бьют! Ребята!

Костя поспешно скинул с плеча ремень, положил баян на скамейку. Бегом на крик.

— Ребята, давай! Леньку бьют...

Никто не отозвался. Костя один кинулся на зады, но и он опоздал.

Там вот что было:

У алешкиной матери на огороде стоит посреди одна «антоновская» яблоня. Берегла, на ночь к яблоне Тузика привязывала: сторож верный,— а не укараулил в прошедшую ночь все яблоки стрясли—и Тузик даже ни разу не гавкнул, и хотя бы один сучок сломан,— видно, что свои и делали не торопясь.

— Кто же это? Алешка, ты яблоки стряс?—спрашивает Настасья Петровна сына.

— Что ты, маменька, я еще и сейчас сплю. Раз ты не велела. Кое упадет—и то тебе принесу...

— Кто же это?

Кто? Ясно, Мамаевы.

В этот час вышла на общий, трех усадеб, пруд белье полоскать мать Леньки Мамаева. Пристроилась на мостках, полощет, вальком приколачивает...

— Глядите-ка, Митревна, у меня яблоки все стрясли.

— Вижу уж, Настасья Петровна, а Тузик-то что ж?

— Хоть бы гавкнул.

— Свои, стало быть!

— Свои? Твой Ленька. Кому же больше? Его Тузик любит...

Заспорили. Покричали.

— Кто видал?

В пылу Настасья Петровна кричит:

— Мой Алешенька видал! А твой Ленька—разбойник...

— Видал?

— Своими глазами...

— Ленька!—крикнула мать.

—Чего тебе?

— Подь сюда на часик!

— Не пойду!

Ребята наши хорошо знают: раз старшие поссорились, то уж попадет в конце-концов им, мальчишкам.

— Ленька, тебе говорю!

— Мне некогда. Я удилище делаю!—отозвался Ленька, строгая прут.

— Иди, говорю!—опять ласково зовет мать,—гляди, никак в пруде карась плавает!

Подмигнула Настасье Петровне, и та тоже:

— И пра, в сам деле! Да какой большой!—подтвердила Настасья Петровна.

Все ребята верили твердо, что в пруде есть карась—только надо его достать—и все не попадался...

— Да какой большой!

— Где карась, врешь, поди, опять?—сбегая на мостки, спросил Ленька...

— Ага! Вот так карась!—закричала Настасья Петровна, когда мать Леньки крепко схватила его за ворот.

— Кто яблоки стряс?

— Не я!

— Врешь! Алешка видел!—говорит Настасья Петровна.

— Не бей меня, мамынька! Не я... Не бей! Не буду... Не я...

Митревна схватила сгоряча валек да вальком...

— Убью!

— Мамынька, утоплюсь, не я!

— Убью!

Ленька извернулся, укусил мать за руку, вырвался и в воду с мостков—бултых!

— Ах! Ах! Ах!—завопила мать.— Миленький мой... Да господь с тобой...

Протягивает сыну коромысло, и уж сама кричит:

— Не буду! Не буду...

Ленька воду буравит—от мостков дальше... Пруд у нас глубокий: с ручками будет посредине и взрослому.

Алешкина мать все еще хохочет:

— Вот так карась!

Ленька выбился из сил и окунулся с головой. Пузыри пошли. Вынырнул да как закричит...

Митревна хлопнулась на мостки, кличет. А Настасья Петровна по тому берегу бегает, кудахчет:

— Караул! Утонул!

На этот шум Костя Мамаев и подбежал. Скинулся на бегу, сдернул сапоги и бросился в воду. Ленька вынырнул. Костя его за руку. Барахтались, барахтались, выбрались на берег. Оба трясутся...

Митревна схватила сгоряча валек да вальком...

— Мы вам покажем! — прокричал Ленька.

Митревна очухалась, кричит:

— Ленька, иди домой, переоденься. Простудишься!

— Ха! Простужусь? Теперь «простужусь»? Мы вам покажем!

Ленька скинул мокрое. Вдвоем с Костей закручивают, выжимают.

С этого утра я заметил, что Костя и Ленька Мамаевы все вместе, вдвоем, особняком от остальных ребят. Они хоть и однофамильцы, а почти не родные. Костя Леньке вроде «нашему забору двоюродный плетень».

Сидят Мамаевы против моего окна, на скамейке. О чем-то шепчутся, хотя кругом никого нет, оглядываются. Вижу, принес Ленька ножик, и побежали они во двор. Гляжу: точило вертят, ножик точат, и Костя показывает Леньке, как надо ножом колоть.

Слухи про Мамаева пошли дурные. Началось с пустяков.

— Куда это яблоки у вас подевались?

— Мамаевы ночью отрясли...

— Пымали что ли?

— Да никто и не видал, а кому ж кроме?

— Которые Мамаевы?

— Костя да Артур...

— Какой еще это Артур!

— Да Ленька-то. Вычитал он из какой-то старой книжки про жуликов и велел всем мальчишкам его звать Артуром... Уж и била намедни мать Артура! У Трусовых кто-то лук подергал. В кровь била!—«Не я, мамынька»,—кричит.—«А кто яблоки стряс?»—«Не я, мамынька»!—«Не ты? Говори: «Больше не буду!»—«Не буду, мамынька, милая, не убивай!»

Там сняли белье с изгороди, там сбили с погреба замок и унесли и молоко и сметану. Винили все Мамаевых: «Кому же больше?» «Мамаевы, ясно!» Мамаевы росли. Их забирали, отпускали. Сажали, выпускали. Костя уехал в Москву и там надолго сгинул. А Леньку (Артура) мать отдала на выучку по кровельному делу. Немного поучась, Ленька сбил у матери замок на сундуке, забрал сколько-то там рублей и пропал надолго.

Вскоре случилась у нас большая драка на Козьей горке, и будто бы в драке убили Артура. Он пропал. И Костя с ним. Уже и мать его плакать перестала. И драку эту, прозванную «мамаевым побоищем», у нас уже забывать стали.

С той поры прошло, пожалуй, семь лет, а то и более, а все мне вспомнилось ясно, когда недавно сосед мой Лука Корнилыч стукнул в окно и сказал:

—Ну, брат, беда! Мамаевы приехали...

— Которые Мамаевы?—спросил я. — У нас Мамаевых много!

— Костя и Артур.

— Какой же Артур?

— Да Ленька, помнишь, «карась»-то? Это его поворовскому прозвали Артуром.

— Откуда же они взялись?

— Известно откуда: из СЛОНа [1]. В шляпах приехали. В новых брючках, под иностранцев одеты. Теперь пойдут, брат, дела!

Поле „мамаевой битвы“

Предсказание Луки Корнилыча сбылось, да не совсем так: дела пошли не те, каких он ждал. Костя Мамаев вскоре поступил десятником на одиннадцатый завод. Определилась и артурова судьба. Лука Корнилыч сообщил мне:

— Слыхал новость? Артур-то Мамаев устроился: инструктор по огородничеству и садоводству в райпо. Вот разбойник! А? Ну, уж теперь пойдут дела! Ха-ха! Кровельщик! Крой, Артур!

Наше райпо получило твердое задание—освоить под огороды сто гектаров пригородных земель, а по встречному вышли и все сто пятьдесят! Огородной земли до того было у нас всего сорок гектаров. Пришлось поднимать на выгоне целину.

— Козью горку пашут,—сообщил мне Лука Корнилыч.

— Где?

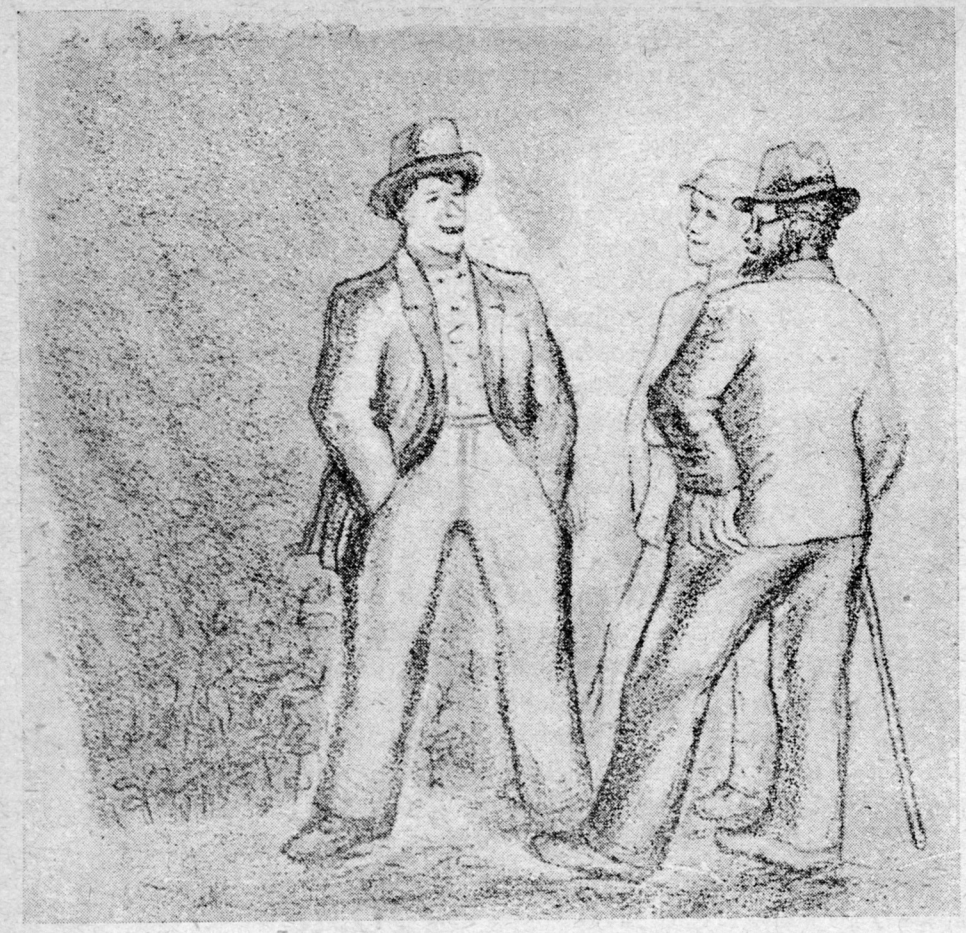
— Где была «мамаева битва». Тракторами пашут. Чапыгу так и дерет начисто! Мальчишек за тракторами! А наш Артур стоит «ручки в брючки», в шляпе, в желтых ботинках... А дождь...

— Да ведь там земля-то?..

— Чистая глина! Быть нам с капустой. Сходи, поинтересуйся...

Выбрав часок, я пошел посмотреть, как Артур Мамаев воюет с глиной. Мотив я выбрал такой: попрошу у Леньки семян для своего потребительского огорода.

[1] СЛОН—Соловецкий лагерь особого назначения.



Стоит Артур Мамаев на зеленой меже как на морском берегу...

Козьей горки не узнать. Чапыжник исчез. Опрокинутая земля лежит широкими грядами, напоминая желтую волну на Волге в низовую погоду.

Все как есть: стоит Артур Мамаев на зеленой меже как на морском берегу в шляпе (уже заметно порыжела), «ручки в брючки», в желтых ботинках...

— Здравствуйте!

— А здра!

Артур узнал меня и рассеянно улыбнулся...

— Неужто будет огород?

— Конечно.

— Ведь чистая глина!

— Ледниковая. Считается, что на ней расти ничего не может.

— Да, огородники у нас, говорят, двести лет землю навозили.

— Двести лет? Чудно! А мы должны в три года...

— Возможно ль?

Я заикнулся насчет семян.

— Никому! Никаких! Нисколько!

— Да ведь немножко!

— Ни грамма! Вы глядите: море ведь!

Он указал рукой на взбаламученный желтый океан...

— Что значит капля в море?..

— Смотря сколько капель. Не просите! — сурово отрезал Артур...

Мы поговорили с Артуром о его планах, и мне они показались несбыточными. За делами мне было не до того. Но Лука Корнилыч держал меня в «курсе» насчет мамаевых затей.

— Слыхал? Где у Ивана Капитоныча была капуста, высажено триста тысяч штук помидоров... Рассада была на базаре по пятиалтынному, это сколько выйдет?

— Рассада у него некупленная!

— Ну это ладно! А как ты считаешь: к каждой помидорине колышек надо поставить. Триста тысяч палюк! Поставят?

— Возможно.

— А подвяжут?

— Сомнительно.

— То-то!

Вскоре о новых огородах пришли и совсем чудные вести.

— Слыхал?—говорит мне Лука Корнилыч.—Кровельщик-то наш!

— А что, помидоры подвязывает?

— Чего там помидоры! Землю кроет. Кровельным толем.

— Всю Козью горку?

— Зачем всю! На старых отнятых огородах чудит. Да и толя им дали сарай только покрыть. Сарай кроют лучинкой, а кровельный толь разостлали по грядам, понатыкали дырок да в каждую дырку высадили из горшков по огурцу...

— Ага! — догадался я.— Это он «мульчирует»...

Лука Корнилыч несколько смутился, услыхав мудреное слово... Я об'яснил:

— Это и в Америке делают...

— Ну да! В Америке! Ты вот свой огород полешь?

— Полю.

— Где ты полешь? Где посажено, там и полешь. А наш кровельщик учредил на старых огородах опытный, слышь, участок, специально для полки: четыре раза перекапывали да семь раз пололи. А ничего не посеяно! Субботник делали. Видел, с песнями шли? Пришли — велит им пустое место полоть. Посмеялись да с песнями назад... А про баклажаны слыхал? Может у них баклажан родиться?

— Баклажан тепло любит.

— Ну да! А тепло откуда? От солнца. Так наш Артур над своими баклажанами шатер хочет строить... Видишь ты: заря с зарей сходится. Белая, говорит, ночь. А баклажан,—говорит Артур,—к темным ночам привык...

— Это, пожалуй, верно!

— Во-во! Ха-ха! Баклажан спать должен?!

— Ну, а огурцы у него как?

Лука Корнилыч немного смутился.

— Это, где толем крыли? Да надо сознаться: у меня на огороде по третьему листку, а у него уж зацвели.

Экспертиза

В конце лета приехал ко мне в гости приятель, по профессии ювелир, а по охоте любитель-огородник. Я ему рассказал про наши новые огороды.

— Огород в агрикультуре—все равно что ювелирное искусство в металлическом деле. Чтобы было возможно на огородах массовое производство, сомневаюсь Сами знаете, каждую былинку надо охолить, приласкать собственной рукой...

— Я так же раньше думал. Пойдемте-ка посмотрим. Я познакомлю вас с автором наших чудес...

— Агроном?

— А вот увидите.

Шляпу Артура мы сразу разыскали на огородах: порыжела, обвисла. Да и брючки потрепались: были непогоды!

— Слава ваша гремит! Вот человек приехал специально из Москвы.

— А здра! Очень приятно. Смотрите! Киньте критический взгляд!

Артур Мамаев, радостно улыбаясь, сам окинул взором взбаламученное море. Против того, что я видел весной, море изменилось. Тогда это было желтое море. Теперь от свекольной ботвы сделалось с и н е море с огненной рябью.

По синему морю тарахтели какие-то две «самодеятельные» сеялки; к двуколке прилажен ящик, и палка, задевая за спицы колеса, трясет. Что-то сыплется...

— Мое изобретение,—сказал Артур,—патента не беру!

Об этом последнем из чудес Артура Мамаева я уже слышал от Луки Корнилыча:

— Слыхал? Нашего кровельщика свидетельствовать хотят: по свекле землю сеет...

— Как это землю? Суперфосфат?

— Зачем суперфосфат? Его он давно схоронил. А теперь берут землю со старых огородов, где пустое место пололи, да и сеют по глине. На Канатчикову дачу хотят Артура отправить. Эксперты приезжали.

Я тогда не поверил Луке Корнилычу, а теперь вижу собственными глазами.

— Что это сеют?—спросил мой приятель, ювелир?

— Землю. То есть почву.

— Ага! Это инокуляция. Прививка новой земле зрелой почвы? Правильно!..

Артур доверчиво улыбнулся.

— Значит, вы интересовались... Да, инокуляция. Они там, на огородах, двести лет готовили почву, а мы сделаем в десять лет!

— Откуда вы, однако, берете для прививки почву? С соседних огородов? Там, наверно, почва зараженная...

— Определенно. Вот смотрите. Мы тут четыре раза перекопали землю. Проветрили. Окислили. Семь раз пололи... Уж и ругали меня! Я полагаю, что переношу отсюда на новые огороды мало вреда.

— Конечно, конечно, инокуляция омоложенной почвой—вещь полезная,—подтвердил мой приятель.

— А знаете,— расцветая лукавой улыбкой, сказал Артур,—я еще какой декадник об'явить хотел...

— Ну-ка?

— По сбору дождевых червей...

— То есть как же это? Выбирать их из земли?

— Нет. Роль дождевых червей вам знакома? Они ускоряют созревание почвы.

— Ну это еще не установлено.

— Полагаю, что да. Я делал доклад у краеведов, они тоже: «сомнительно», просил районо мобилизовать школьников на декадник по сбору дождевых червей со свалок. Только головками покачали. Ну, тут и приехала комиссия. Благо Москва близко...

— Психиатров?—пошутил я.

— Нет. Три старших агронома от Колхозцентра, от Наркомзема да от Тимирязевки профессор Челноков. Все старики. Посмотрели на мои дела, посмеялись. Говорят, ничего сумасшедшего нет, одна самонадеянность. Мы сами, говорят, такие опыты производим...

— Значит, вопрос о Канатчиковой даче отпадает?

— Выходит, что так.

— А где вы получили высшее агрономическое образование? — спросил Артура мой приятель.

— Высшее! Ха-ха! Я получил *полное* образование в СЛОНе.

— В СЛОНе!

— В концлагере, в Соловках...

— Гм! Так вы оттуда?

— Не скрываю. Бывший налетчик, рекомендуюсь...

— Ну, Мамаев, — спрашиваю я, — от прошлого у вас ничего не осталось?..

Настала осень. Дожди. Ранние заморозки и неурочный для сентября снежок.

С Артуром я повстречался еще раз «на линии». Коль надо на вокзал поскорее, мы ходим, минуя глубокий дол, по насыпи железной дороги. Артура я догнал у семафора. Стоит и смотрит вдаль. Наперевес через плечо—постель и чемоданчик.

— А здра!

— Куда собрались? Покидаете нас?

— В Москву.

— Служить?

— Зачем служить... Вы, значит, не слыхали. Думали, думали, что со мной делать. Нашли блестящий выход: командировать в вуз. Я, брат, теперь студент Тимирязевской академии.

— Вон куда махнуло!

Повесть Артура Мамаева

Пока мы шли до станции, Артур мне рассказал, как стал он агрономом:

— Сначала нас в СЛОНе, в кремле[1], держали. Сте-

[1] Кремлем в Соловках называют центральную часть монастыря, обнесенную старой крепостной стеной.

ны. Роты. Замки—словом, тюрьма. Ну тюрьма и тюрьма. Потом решили нас выпустить в колонию на волю. Мы им не поверили:

— Обман, урки! Держись.

Главный сказал:

— Начнем с Мамаева. Возьмем его особняком!

Ладно, думаю.

— Ребята,—говорю уркам,—смотрите в оба!

Урки глядят на меня как на вождя; скажу: и не видно—видят, и не слышно—слышат.

«Часы летят, а годы длятся»,— сказал один поэт в СЛОНе. Что же! Карцера нет. Террора нет. В шпане моей раскол. Одни стоят на прежнем: нарочно пачкаться, в баню не ходить, исправляться не можем. Ждем, что скажут наши педагоги. Когда же они, наконец, покажут когти. Они уже видали, что вся сила во мне.

Взял меня главный под руку и говорит:

— Пойдем. Поговорим. Вижу, ты парень развитой.

— Лестно слышать!—отвечаю с намеком, что меня лестью не взять...

То да се. Спрашивает меня не о том, чему и почему не верю, а чему верю, чего хочу...

Сердце у меня зашлось. Мало ли чего хочу! Не скажу. Глаза даже зажмурил. И чем крепче жмурю, тем ясней: сад вижу и яблоки висят, *чужие* яблоки. И все сад, нет ему конца. Вор буду, если вру! Это у меня всегда в критический момент...

— Ну, что же? — спрашивает главный...

Я ему, шутя:

— Хочу, чтоб все ребята яблоки ели.

Ответ пустой и дерзкий. Но он не пропустил мимо ушей. Им только зацепиться.

— Это очень превосходно. Чтобы все ели яблоки, надо сады садить, надо яблони выхаживать. А ты хоть одно дерево посадил?

— Посадил бы, да ребята все одно обломают...

— Кто посмеет, раз сад общий?.. —сурово спрашивает главный.

— Да я первый и обломаю!—говорю я опять дерзко.

— А ты посади и не ломай!..

Тут я вспомнил, как меня мамаша за *чужие* яблоки вальком била, и рассказал. И слезы у меня из глаз. Вот сейчас захлюпаю.

— Выбей нос! — говорит главный, — не маленький!

Вам смешно? И мне тоже теперь. Было мне восемнадцать, а он со мной как с младенцем. Рассказываю ему про свою мамашу.

— Что тебя мать била, это неправильно. А подумай-ка: почему тебя мать за *чужие* яблоки била?

— Так она мне говорит: «Люди трудились, а ты ломать».

— Ага? — ловит меня на слове главный.— Она тебя била, хоть и темная она женщина, за то, что ты *труд* не уважал. Матери это твоей недоступно, но ты должен понять, что труд есть основа всего.

— А почему же это у одних есть, а у других нет?

Тут главный увидал, что волна революционного движения прокатилась через наши головы бесследно. И начал мне общедоступно об'яснять об уничтожении собственности на орудия труда...

— Это яблоня-то? Какое же это орудие? Ха-ха-ха!

Он и это мне об'ясняет, что яблоня — действительно орудие производства и должна расти на общественной земле.

Повел меня главный в парники, в теплицу, на огород...

— Вот, говорит, мы садим *для всех* вообще, а ломать и портить советская власть *никому* не позволит.

— Кабы так-то!

— Так и будет! — вдохновился главный. — Мы всю землю обратим в цветущий сад.

Что же вы думаете? Смотрю, действительно: стеклянные рамы, огурцы, капуста. «Опять же, может быть, и скидка [1] будет»,—мыслишка мелькнула. Втянули меня, и вот...

Артур Мамаев повел широко рукой и замолк.

Мы прошли сотню шагов в молчании.

— Значит, вы покидаете нас совсем? — спросил я Артура.

— Как это совсем? На практику я должен куда ехать?

— Значит, опыты на Козьей горке будут продолжаться?

— Безусловно.

---

[1] Сокращение срока заключения.

Тупичок

Рассказ деткора Дудинцева

Старый, заезженный тупичок, с вывалившимися зубами мостовой, с чудом уцелевшими бревенчатыми, в один этаж домиками...

В тупичке возвышается один здоровый кирпичный дом в пять этажей. Двор этого дома напоминает дно зеленой, темной бутылки из-под нарзана.

Рядом — постройка, красивое здание, выглядывающее из топорщащихся лесов. Во дворе постройки— кирпичные горы, пыль и маленькая палатка, в которой неторопливый продавец отпускает сезонникам хлеб, огурцы и папиросы «Труд».

Неделю назад к этому пятиэтажному дому под'ехал ломовик. С телеги торчали ножки стульев, стола — и все венчалось матрацем в синюю полоску.

Самый простой паренек, лет тринадцати, вышел из ворот и начал помогать добродушному дяденьке (наверное, отцу) выгружать вещи.

На телеге остался ящик с надписью «осторожно». Этот ящик они понесли вдвоем. Ящик был нетяжелый, но его несли очень осторожно, стараясь не задеть за множество дверей.

●

На столе хладнокровно и обдуманно тикают часы. Часы большие, отцовские, с тяжелой стальной цепочкой.

На столе много книг и чашка с недопитым чаем.

А за столом сидит Вовка, он торопится приготовить математику; по бумаге прыгает перо.

Из головы выскакивают цифры, они роем толпятся, спеша занять каждая свое место на бумаге.

Торопливый бросок глаз на циферблат — осталось полтора часа.

Математика сделана.

За шкафом, в углу, висят на ниточках авиомодели, задумчиво раскинув крылья.

Вовка достает из-за шкафа каркас фюзеляжа, бамбук, фанеру 0,5 миллиметров и, выпятив нижнюю губу, начинает строгать тоненькую планочку-стрингер.

В воздухе липкий, тяжелый запах клея... Равномерно вздыхает примус, распространяя жару.

Душно...

Вовка привстает и открывает форточку—в комнату врывается холодный, осенний ветер, а на улицу как из прачешной из форточки тянется сладковатый клеевой запах.

●

Мимо окна проходят ребята из этого двора.

Ворона нос кверху:

— Губень, а Губеня, чем это такой пахнет, а?

— Чем? Колбасой.

— Брось, откуда она, колбаса-то?

Три рожи прилипают к окну:

— Ты, как тебя, дай колбаски, а то в морду дам!

Вовка поднимает голову, он удивлен:

— Откуда я вам ее возьму?

— Не дашь? Ну лучше не выходи!

Тут Губу деловито поддерживают Колька и Ворона:

—Ты, оголец, правда, давай колбасы, а то поймаем вот...

Вовка становится на подоконник.

— Дурачье, это клей! — говорит он, и нижняя губа презрительно вытягивается.

— От дурачья слышу! — сердито говорит Сергей Губеня и играет кулаком в кармане.

Но ребята заинтересованы:

— А какой он тебе, клей-то?

— Как, какой? А фюзеляж клеить, а плоскости...

— Что это он за ерундистику загинает, а?

Колька сделал бычиные глаза и громко захохотал, взявшись руками за живот.

Видно было, что он смеется искусственно.

«Дураки»,— подумал Вовка и принялся за работу.

●

Вечером, после игры в расшибалку, когда Колька считал выигрыш, Губа стукнул его в нос и потребовал деньги обратно.

— Я играл понарошку! — крикнул он. Тогда Колька поджал губы, вздернул нос, из которого выбежала теплая и густая струйка крови, и подошел вплотную к Сергею.

Дрались молча: ткнут раза два кулаками, потом стоят, согнув спины и делая страшные глаза. Но Колька вдруг почувствовал на щеке кровь. Он громко высморкался на мостовую, заревел и ринулся на Сергея.

Послышались звонкие затрещины.

Сергей — наутек, Колька — за ним, и оба скрылись в воротах кирпичного дома.

А Ворона собрал на мостовой чужие пятаки и пошел в кино.

●

Осеннее, но солнечное утро... По мостовой цокают копыта лошадей. Сергеева и колькина матери на работе. Колька встал, а Сергей спит.

Колька дергает его за уши, «пенделяет» ногой в ребра,— Сергей вставать не хочет.

— Пойдешь в школу, что ли?

— А... в школу? Факт...

Сергей начинает одеваться.

— Смотри, уже десять!

— Где? — Сергей растерянно оборачивается к часам. — А нам к восьми!

— Ну? Пойдем живее, может, не опоздаем!

По серенькому тупичку помчались наперегонки в школу.

Навстречу Ворона.

— Ребя, а ребя, на постройку огурцы классные привезли!

—Ну? Сергей, пошли, а? Все равно ведь опоздали.

— Факт!

И прямым маршрутом — под забор и на постройку. С книжными сумками за поясами пошли к пыльной палатке. Там они дразнили продавца и воровали огурцы, пока злой продавец не вытянул Ворону корзиной по спине.

А в школе над их фамилиями поставили галочку.

Галочек собралось уже много-много!

●

Вовка спешит домой: «Сколько она пролетит? По расчетам,— метров двести...»

На круглом столике, расставив руки, стоит беленькая модель. Вовка берет ее и бережно, стараясь не задеть за двери, выносит на улицу.

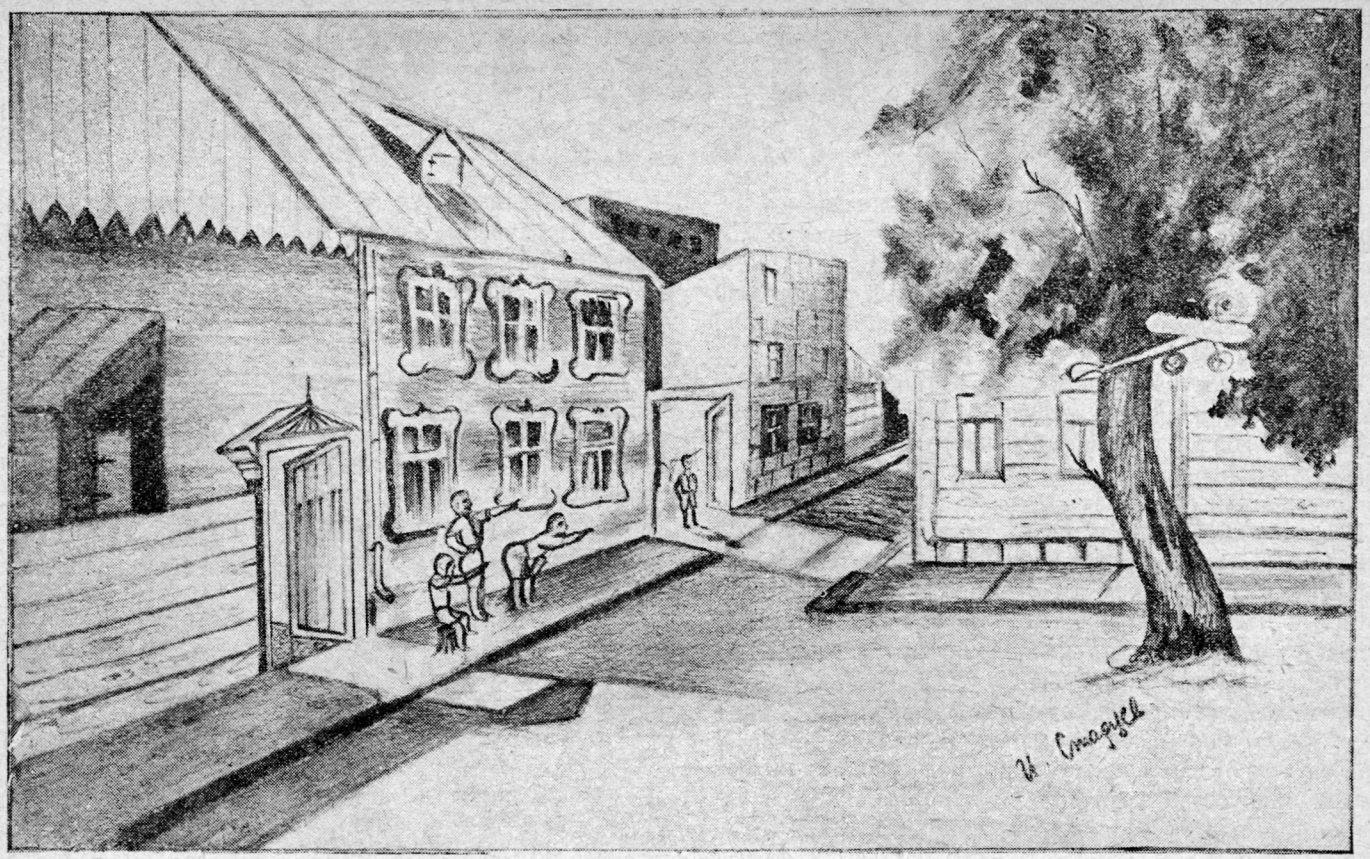


Рис. художкора Старцева

Вовка поднял модель и отпустил винт...

— Ребя! У Вовки аэроплан какой!

Подбегают Губень, Колька, Пан, Ворона — со всего двора.

— Как здорово! — восторгается Пан,— сам сделал?

— Конечно, сам!

— Полетит ли?..

При общем молчании дома бесконечно долго Вовка накручивал винт. Потом вышли за ворота. Вовка посмотрел на облака: куда дует ветер? Потом поднял модель и отпустил винт. Винт бесшумно завертелся, делая 3000 оборотов в минуту.

— Ну, что ж, пускай!

Вовка пустил.

Модель провалилась вниз... потом стремительно начала забирать высоту. Вот промелькнул мимо егоров дом, магазин «Бакалея и гастрономия»...

Дунул ветер... Модель сделала широкий вираж и пошла набок.

— Стукается, стукается! — орали ребята.

Модель сразмаху ударилась о мостовую и запрыгала по камням, потом перевернулась через голову и упала. Винт два раза повернулся и, будто стесняясь, замер.

Ребята обступили Вовку с моделью.

— Разбился твой «фузеляж»,— грубо пошутил Ворона.

Но никто не смеялся...

— На вот, если б не ветер, он еще столько же пролетел бы,— вступился Сергей.

— Нет, не разбился, только оклейка прорвалась!— обиделся Вовка,— нате!

И он в сердцах начал сдирать с модели твердую папиросную бумагу. Из-под бумаги показались тоненькие ребра модели, тоненькие нервы, которыми она живет. Все было сделано очень чисто и прочно.

— И все сам?

— А как она разбилась?

Вовка солидно разглядывал повреждения.

— Она не должна разбиться, тут все по расчетам.

Пошел Козел. В руке он держал шест в полтора метра длиной.

— Сто пятьдесят шесть! — важно об'явил он.

Вовка достал книжку и что-то записал.

Потом он взял раздетую модель подмышку и пошел домой. Толкая друг друга и огрызаясь, ребята последовали за ним.

Губень осторожно, чтобы никто не слышал, шепнул:

— Вовка, а Вовка, к тебе нельзя придти посмотреть, а?

— Почему же, приходи завтра, после уроков, будешь «асистентом»,— Вовка улыбнулся.

Тут Губень опешил: «После уроков! А что если Вовка узнает, что он прогуливает?»

Он нагнал Кольку:

— Ты, Колька, не говори Вовке, что мы сегодня в школу не ходили. Он меня берет к себе в асистенты.

— В асистенты! А меня возьмет?

Поздно вечером, Колька постучал в окно к Вовке.

— Кто? Ах, это ты! — послышался вовкин голос, и вовкино лицо показалось в форточке.

— Вовка, возьми меня в асистенты, а?

За окном кто-то басом засмеялся (верно, вовкин отец).

— Ладно, приходи с Сергеем.

Из окна лился теплый, добрый свет...

●

Наутро Сергей встал раньше Кольки:

— Вставай, в школу пора!

Колька сапнул носом и вскочил. Наскоро умылись — чаю не стали пить — и побежали.

В форточку их окликнул заспанный Ворона.

— Вы куда?

— В школу, а что?

— Ты, наверное, тоже «фузеляжем» заделался?

Колька вспыхнул:

— Да, мы тоже! Скоро с Сергеем будем аэропланы делать!

Ворона завистливо хихикнул и скрылся в черноте окна.

Перед уроком началась перекличка:

— Гамошкин Сергей!

— Здесь! — выпрыгнул Сергей, и учительница вместо галочки поставила немного косой, но уверенный плюс.

●

Из-под забора осторожно вылезает Ворона.

Вороне скучно — он ходит один по пустому двору и уныло посвистывает.

За воротами уже весна, а на дворе снег не стаял.

Ворону привлекает желтый пар из знакомой форточки. Оа приникает к стеклу. В глубине комнаты равномерно вздыхает примус. Сергей, подобрав свою заячью губу (за что его и звали «Губа»), обтягивает модель самолета папиросной бумагой. Колька сбоку подсовывает клеенку с клеем. Они Ворону не замечают. Тогда он делает вид, что только что пришел, и стучит в окно.

— Губа! Выходи, дело есть!

— Какое дело? — Колька и Сергей выглядывают в форточку.

Ворона вынимает из кармана пачку папирос «Труд», другую, пятую, восьмую...

— Пошли, загоним папиросы — деньги на пару!

— На кой они нам, деньги-то,— отворачивается Колька.

Подходит Вовка:

— Чего он там?

— Папирос наворовал, зовет продавать!

— Пускай сам идет и продает!

— Клей бежит! — крикнул Колька.

Они спрыгнули с подоконника и засуетились.

Ворона прижал папиросы к груди и выбежал за ворота.

Из черной дыры канализации валил пар, и дворник, дядя Ефим, крутил «козью ножку». Подбежав к дыре, Ворона глянул в нее. В нос ударило затхлостью. Он бросил в дыру одну пачку, другую...

Дядя Ефим прищурил глаза:

— Ты чего это кидаешь?

Еще три пачки растворились в густом пару.

— Не кидай, лучше мне отдай! Ах, охальник!

Дядя Ефим прыгнул к Вороне, но поздно: Ворона бросил последние две пачки и — наутек. Он вбежал в парадное и вдруг ни с того ни с сего заплакал...

На улицу вышли Губа, Колька и Вовка. Губа и Вовка держали модели, а Колька нес шест в полтора метра и напевал:

«Русский, немец и поляк
Танцовали краковяк.
Танцовали не спеша,
Наступили на мыша».

Замечания редактора

Деткор Дудинцев написал рассказ «Тупичок». Это живой рассказ об интересном случае. Мы его печатаем, но это не значит, что в рассказе нет недостатков. Их даже довольно много.

В рассказе те места хороши, где Дудинцев описывает просто и безыскусственно то, что видел и наблюдал. Очень плохо там, где Дудинцев придумывает нелепые сравнения, желая написать красивее или «завернуть похлеще».

Дудинцев описывает мостовую в старом, заезженном тупичке и пишет: «Вывалившиеся зубы мостовой». Это нехорошо, во-первых, потому, что мостовые не бывают зубастыми, во-вторых, если даже это допустить и считать булыжники зубами мостовой, то на заезженных улицах булыжники не вываливаются, а, наоборот, вдавливаются в почву улицы, образуя рытвины. Это хорошо знает каждый велосипедист.

Дудинцев пишет: «Бросок глаз на циферблат». Для того чтобы бросить глаза на циферблат, их нужно вырвать из орбит. Дудинцев хотел сказать «бросил взгляд», для хлесткости же написал «бросок глаз», а можно бы просто сказать «посмотрел».

Почему-то у моделей, которые висят на ниточках, «задумчивые крылья». Совершенно непонятно, в чем Дудинцев увидел задумчивость.

Далее, о модели: «...тоненькие ребра... тоненькие нервы, которыми она живет». Палочки, из которых сделана модель, действительно похожи на ребра, но уж, во всяком случае, не на нервы. Нервы похожи на ниточки, о которых ничего не сказано.

Дальше, «все это венчалось матрацем». «Венчаться» означает жениться по-церковному, покрывать голову венцом. Матрацем «венчаться» нельзя. В лучшем случае можно было телегу с вещами «увенчать» матрацем. Но и это нехорошо. Не стоит употреблять такое пышное слово, для того чтобы обозначить простую вещь.

Все это и еще многое другое, которое было бы долго перечислять, плохо. Автор в таких случаях фокусничает словами, желая сделать рассказ ярче. Но рассказ не делается интересней от таких фокусов.

Смелые сравнения уместны тогда, когда они подчеркивают неожиданные качества описываемых предметов Хорошие писатели иногда пользуются ими, строго соблюдая меру. А Дудинцев сует их куда надо и куда не надо.

В рассказе Ворона бросает папиросы в канализационную трубу. Из трубы идет пар. Дудинцев пишет, что пачки папирос «растворяются» в пару. Раствориться — это постепенно исчезнуть из вида, теряя прежнюю форму.

Растворяется сахар в чае; можно сказать это про человека, уходящего в туман. Пачки папирос, конечно, быстро исчезли бы в трубе. Дудинцев для красоты «растворяет» их. Это нехорошо.

Героев рассказа трудно отличить друг от друга. Из них только один, Ворона, имеет лицо. Остальных можно легко перепутать друг с другом. Сергей, Колька и Губа совершенно одинаковы по характеру. У Вовки тоже никаких особенностей нет. О нем известно только то, что он моделист.

Что хорошего в рассказе? Кое-где Дудинцев показывает задатки хорошего наблюдателя. Неплохо описаны двор, постройки, вовкина работа, начало драки, пуск модели.

Рассказ написан на интересную тему. Автор ее знает и мог бы написать лучше. Нехорошо, что конец рассказа угадывается гораздо раньше, чем хотел бы автор.

Дудинцеву нужно избавиться от так называемой литературщины, когда в жертву красивому обороту речи приносятся мысл и содержание произведения. Больше надо наблюдать.

В рассказе осталось много промахов. Я предлагаю ребятам, пишущим стихи и рассказы, интересующимся литературой, прочитать рассказ еще раз внимательно, строчку за строчкой, и обо всех замеченных недостатках написать мне. Это будет очень полезно. Лучшую критику мы напечатаем.

Привет деткорам.

Б. Ивантер

Двойная крыса

Статья заведующего Экспериментальной биологической лабораторией

Рисовал крыс с натуры М. Аскинази

По внешнему виду двойная крыса похожа на двух отдельных крыс: две головы, два туловища, два хвоста, восемь лапок. Но уйти друг от друга эти крысы не могут. Левый бок правой крысы прирос к правому боку левой крысы. Таких животных в природе не бывает. Двойная крыса создана искусственно в лаборатории.

Научные сотрудники лаборатории разрезали на боках у этих крыс их кожу и края кожи сшили между собой. Края срослись и зажили. Через заживленное место от одной крысы к другой переходит по кровеносным сосудам чужая кровь. Кровь—очень важная жидкость в организме. Она от легких приносит кислород в самые отдаленные части тела, от желудка и кишечника несет все новую и новую пищу, уносит в почки отработанные и вредные вещества, а в легкие уносит ядовитую углекислоту.

Все это очень легко доказать при помощи двойной крысы. Если одного из партнеров двойной крысы лишить возможности дышать, или совершенно лишить питья и пищи, или же, наконец, перевязать ему мочеиспускательные трубочки, по которым моча через почки выводится из организма, то все эти важные и необходимые отправления организма одной крысы берут на себя органы другой крысы. Конечно, это может происходить только потому, что кровеносные сосуды одной крысы соединены с кровеносными сосудами другой, и протекающая через них кровь снабжает обеих крыс и кислородом и пищей и обеспечивает выведение отработанных, непригодных более и вредных веществ. Правда, жизнь крысы, оставленной без воздуха, без пищи или без возможности мочеотделения, не может длиться долго, но если бы она не была сшита с другой крысой, она погибла бы гораздо скорее.

Сшитые крысы, если они вполне здоровые и нормальные, обычно живут по нескольку месяцев, но одна из них в конце концов погибает от малокровия, так как более сильное сердце другой крысы постепенно перекачивает в тело своего хозяина кровь более слабой крысы.

Рецепты доктора Звенового

„Есть такие звеновые, которые не готовятся к сборам, а рассчитывают, что сборы „как-нибудь сойдут".
Из записной книжки доктора Звенового

— Можете ли вы, не читая, рассказать содержание каждого письма? — спросил я редактора и сотрудников «Пионера», когда секретарь редакции протянул мне пачку писем с надписью на конвертах: «*Доктору Звеновому*».

Все с сомнением посмотрели на меня и покачали головой.

Тут-Итам вылез из-под стола редактора (его любимое место отдыха) и тоже недоверчиво заворчал.

Тогда я взял первое письмо, посмотрел на почтовый штемпель и сказал:

— А я могу. Слушайте!

— Вот звеновой из Саратова горько жалуется, что ребята не ходят на сборы, что они хулиганят и что он не знает, что с ними делать...

Я дал письмо Тут-Итаму, и он, действуя всеми шестью конечностями (4 лапы плюс нос плюс хвост), с быстротой молнии разорвал конверт и извлек из него письмо, в точности повторяющее то, что я говорил.

— Номер два,— сказал я, взяв следующее письмо.— Звеновой из Вышнего Волочка жалуется, что в его звене не идет работа, ребята не ходят на сборы и он не знает, что делать.

Тут-Итам опять разорвал конверт, и опять я угадал содержание письма.

— Э! — закричали все.— Да у тебя все письма одинаковые...

— Ну, тут я уже невиноват, что все вожатые звеньев жалуются на одно и то же и во всем обвиняют своих пионеров.

И я рассказал историю с одним звеновым из города Вятки.

Этого звенового спросили:

— Почему так плохо работает твое звено?

— О, вы не знаете моих ребят!—быстро ответил звеновой.— Это чорт его знает какие ребята. Разве с ними что-нибудь сделаешь?

Те, кто спрашивали, никогда в своей жизни не видали «чорт его знает каких ребят» и решили пойти взглянуть на них хотя одним глазом, и что же оказалось?

Вовсе это были не «чорт его знает какие ребята», а оказались ребята как ребята.

Один увлекался голубеводством, и его застали в большом горе от гибели любимого голубя, другой разводил кроликов, третий увлекался историей и знал очень много интересного по древней истории.

А самая тихая и незаметная в звене пионерка мечтала стать путешественницей и перечитала больше книг о путешествиях, чем знал их учитель географии.

И про таких-то ребят звеновой говорил, что они никуда не годятся! По-моему, дело было как раз наоборот. Ясно, что когда звеновой начинал читать на сборе самые скучные и самые длинные статьи из газет, ребята спасались от сборов, кто куда мог. И ни разу в голову звенового не забрела мысль о том, что можно попросить пионерку, интересующуюся путешествиями, рассказать о самом интересном путешествии. Рассказ пионера-историка о какой-либо древней войне ребята слушали бы с захватывающим интересом.

А сколько интересного мог бы сообщить о военных голубях, о приключениях с ними голубевод?

Большинство из тех звеновых, что пишут мне, похожи на вятского вожатого звена. Они ничего не знают о своих пионерах, о том, чем те интересуются, как живут. Не звеновые, которые воспитывают десяток пионеров своего звена, а чиновники.

Недавно я разговаривал с одной звеновой.

— Ох, доктор Звеновой, пришла я к тебе поплакать в твой халат: у меня «незнайкина болезнь».

Тут-Итам разорвал конверт и извлек из него письмо.

Чего я только не знаю: игр не знаю, песен не знаю и, что делать на сборах звена, тоже не знаю.

— Болезнь — действительно серьезная. Не одного звенового от этой болезни в больницу отвезли. А ты не пробовала лечиться?

— Не знаю я, чем лечиться...

— Есть очень хорошие средства.—И я написал ей такие рецепты:

Rp.

«1. Принимать не реже двух раз в месяц —

Pionerskie knigi.

2. Принимать каждый номер — Pionerskie gaseti i jurnali».

— Неужели такие простые лекарства помогают?

— Еще как. Признайся, сколько ты за свою жизнь пионерских книжек прочла?

Звеновая только открыла рот, чтобы ответить, как я сказал:

— Не надо отвечать. По форме твоего открытого рта я уже вижу твой ответ — ноль. А сколько есть на белом свете книг, рассказывающих о новых играх, и об интересных пионерских сборах, и о веселой пионерской работе, прямо не перечесть. Запомни: плох тот звеновой, который не принимает этих лекарств.

Через два дня снова заходит ко мне та же самая звеновая, хватает кончик моего халата и отирает им слезы.

— Что случилось? Новый припадок «незнайкиной болезни»?

— Ох, доктор Звеновой, хуже. Пошла я с вашими рецептами в аптеку, а там все засмеялись и сказали, что таких лекарств не держат. Десять аптек обошла и везде смеются...

— Да ты не в те аптеки заходила. По этим рецептам отпускают лекарства в детских библиотеках, книжных магазинах, газетных киосках. Только обязательно пользуйся этими рецептами. А то, подумай сама, разве может быть хорошим работником инженер, агроном, врач, учитель, который не читает книг и журналов по своей специальности, не следит за всякими открытиями и достижениями в своей профессии? Если он будет жить только старыми знаниями, он скоро отстанет. А ты, вожатая звена, ничего не читаешь по своей специальности, и разве ты можешь хорошо работать?

И еще я вспомнил одного вожатого звена, жаловавшегося на ребят.

Он жаловался мне на то, что ничего ему в звене не удается провести. Один из пионеров хочет одного, другой — другого, и никогда не было того, чего хотели бы все ребята одновременно. У звенового прямо голова кругом идет, когда он пытается проводить сборы.

Пошел я взглянуть на такое чудо-звено. И опять-таки виноватыми оказались не ребята, а сам вожатый звена. Он был как безвольная тряпка, собирал предложения ребят да все ждал, когда все одно и то же предложат. Вместо того чтобы отобрать наиболее интересные предложения ребят и вставить их в план работы звена, заинтересовать ими всех ребят звена, звеновой ничего не делал, а вину сваливал на ребят.

Получалось, что он не вел ребят за собой, а плелся за самыми хулиганистыми ребятами как побитая собачонка.

Еще один звеновой жаловался мне, что никак он не может установить порядок в своем звене: вечно ребята на сборы опаздывают, ходят грязными, без галстуков.

Принялся я исследовать больного звенового.

— А сам ты почему без галстука ходишь?

Звеновой замялся, переступил с ноги на ногу и скромно сказал:

— Стирается...

— Это ты у своих пионеров выучился так отвечать? Ну, а когда ты на сборы звена приходишь?

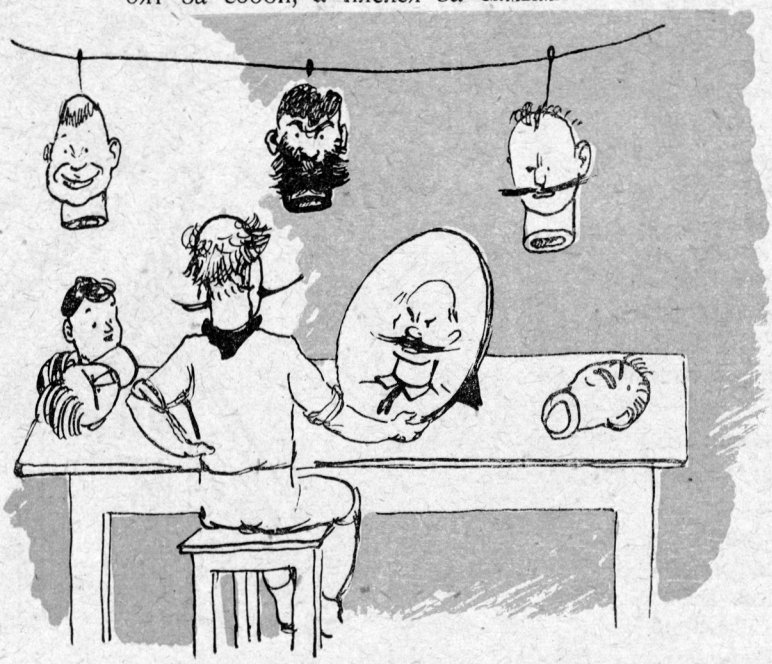
— Да уж я пробовал и за час приходить—все равно не помогает. Теперь уж я приноровился: назначу сбор на семь часов, а сам в половине восьмого приду, как раз к началу сбора.

— Очень уж ты хитрый стал,— говорю я ему.— Наверное, чтобы показать пионерам, как некрасиво быть неряхой, ты недели две рук не мыл, и твой костюм совсем забыл знакомство со щеткой. Так что ли?

Ну, приятель, ничего из твоего звена не выйдет, если ты сам не будешь примером. Запомни это правило очень крепко. Приходи на сборы минута в минуту (а сборы назначай не в 7 часов, а в 7 часов 12 минут), всегда носи галстук, акуратно выполняй все, за что ты взялся, будь сам всегда чист и умыт — вот тебе самый верный рецепт, как сделать твое звено образцовым...

Ну, пока досвиданья, до следующего номера.

Кто же следующий на прием ко мне?



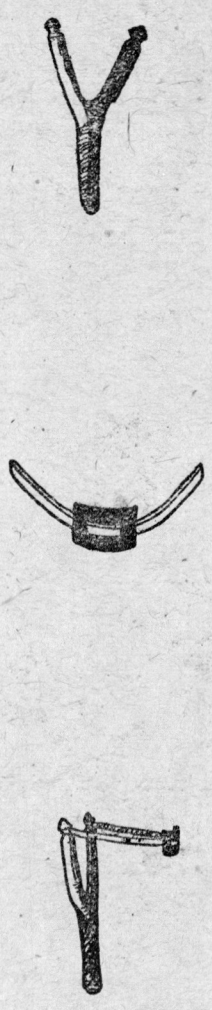
Звеновой перед сбором звена:—Ну, сегодня надо принять вид построже. Авось, ребята побоятся ругать меня.

САМОСТРЕЛЫ

Скорость, зоркость глаза и меткость — вот качества хорошего стрелка. Вылетела из-за кустов птица или выскочил из-за поворота враг—зевать некогда: с быстротой молнии надо воспользоваться своим оружием: вскинуть его, прицелиться и выстрелить. Цель не будет ждать изготовки, птица улетит, а враг — сам не промах: если он действует быстрее,—полусекунды разницы будет достаточно, чтобы приобрести выигрыш.

Чтобы в опасности не попасть впросак, научитесь-ка меткости и быстроте на самодельном оружии.

Первое оружие — всем известная, доступная и очень удобная во многих случаях жизни «рогатка». Ее надо вырезать в лесу, подобрав разветвленный с достаточно узким углом сучок (лучшая рогатка из орешника, или березы, или рябины); снять кору, тщательно высушить и акуратно отделать по рисунку. В осторожно сделанные прорезы вставить концы резинки, после того как на нее надета кожа, и закрепить концы хорошей тонкой и прочной бичевкой. Проба должна показать, что обе стороны резины растягиваются одинаково упруго, мягко и сильно и быстро сокращаются, тогда камень будет лететь с большой быстротой и метко.



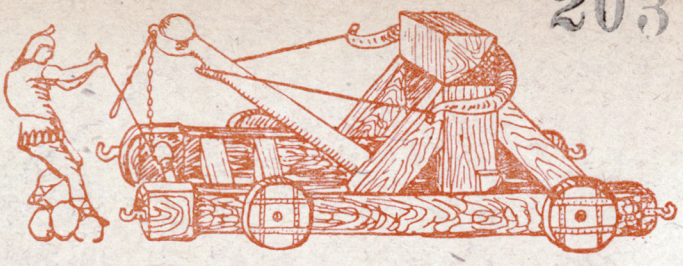
Сделай хорошую рогатку.

Говорят: камень брошен сильно или слабо. То же говорят про ветер: сильный или слабый. В чем разница между силой и слабостью? Камень, брошенный сильной рукой, летит *быстрее* чем камень, брошенный слабым человеком. Ветер не может быть сильным или слабым. Он может быть скорым или медленным — в скорости его сила, так же как и у камня сила в *скорости* его полета. Пуля «наизлёте», когда она уже потеряла свою скорость, совершенно безопасна, ее можно поймать руками. Один и тот же камень, летящий медленно, ударится в препятствие с небольшой силой, а пущенный со скоростью, в два раза большей, произведет удар в *четыре* раза сильнее. Неправильно думать, что чем больше камень, тем сильнее удар. Пудовый камень (16 килограммов), летящий со скоростью 2 метров в секунду, произведет такое же действие при ударе, как камень весом в 10 фунтов (2,5 килограмма, т. е. в четыре раза меньший), но пущенный со скоростью 16 метров в секунду. В винтовках пуля мала и легка, но она вылетает из дула со скоростью около 700 метров в секунду! Всякое хорошее оружие стремится к большей скорости пули и к меньшему ее весу.

Все дело в скорости полета, и нет никакой нужды браться за камень побольше. Надо заботиться, чтобы резинка рогатки сокращалась сильно и быстро, тогда и ка-

Цена 50 коп.

20372



Римский метательный снаряд для камней.

мешек полетит быстро, будет легко преодолевать сопротивление воздуха (главное препятствие полету всякой пули), не будет отклоняться от цели боковым ветром и ударит в цель с большой силой.

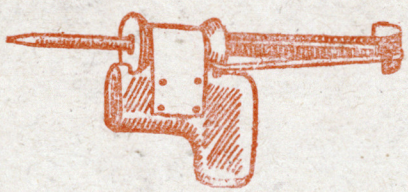
Резинкой можно воспользоваться и для метания стрел. Надо вырезать или выточить хорошую, удобную для зажимания в кулаке ручку. В торец надо ввинтить железную петлю из тех, что употребляются для дверных крючков. Петля служит направляющим дулом для стрелок, которые надо выстругивать ровными и длинными.

Еще проще самострел из большой катушки. И несмотря на простоту катушечный самострел имеет преимущества, потому что имеет ствол как у ружья или револьвера, т. е. *направляет* стрелу.

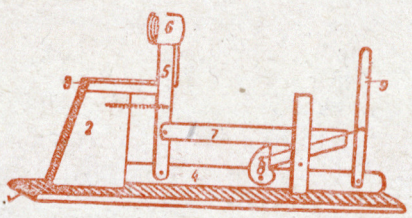
Пока пуля пролетает ствол ружья, она приобретает его направление: вылетая из длинного ствола, и короткая пуля уже не отклонится ни вправо ни влево, если не помешает ветер. В нашем оружии не так: ствол короткий, зато «пуля»-стрелка длинная. Результат же получается тот же: пролетая всей длиной по короткому стволу катушки, стрела приобретает направление, по которому катушку держит стрелок. Этот самострел может быть сделан и с револьверной ручкой с вырезом для катушки, которая держится жестяной накладкой, прибитой с обеих сторон гвоздиками.

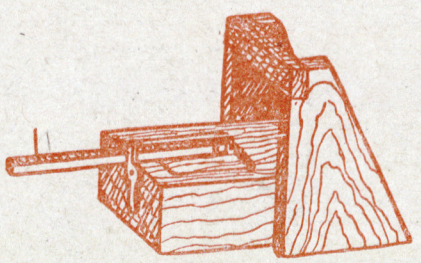
Было время, когда огнестрельного оружия еще не существовало и употреблялось только холодное оружие: мечи, копья и стрелы. Это оружие хорошо в полевой войне, но как быть с противником, отсиживающимся за валами, за стенами крепостей, против которых мечи, копья и стрелы бессильны? В древности римляне придумали оружие и против крепостей — оружие, которым они разбивали крепостные ворота и самые стены и сильно досаждали самим защитникам, так как «пули» этого оружия летали коротко и круто и перелетали через валы и стены. Это оружие — «катапульта», метательный снаряд для камней. Мы тоже можем сделать катапульту для шишек и диких яблок, которые перелетят через вал, холм, забор, через стены своей крепости и крепости противника.

Простую катапульту сделаем из капкана-мышеловки. Ее купить можно всюду. Капканчик представляет собой проволочную рамку,



Катушечный самострел.





А самое хорошее оружие — катапульта.

которая с помощью пружинки сильно хлопает по мыши. Эту рамку надо укрепить на доске с помощью четырех гвоздей и сделать упор из дерева (все видно на рисунке), чтобы рамка, спущенная пружинкой, останавливалась вертикально. На рамке укрепляют палочку с торчащим гвоздем. Эту палочку при отводе рамки вниз стопорят деревянным крючком, а на гвоздь сажают дикое яблоко. Стоит отвести крючок — рама расправляется, ударяет в деревянный упор, и кислица летит вперед.

Другая катапульта может служить для метания шишек летом и снежков зимой. Вся она делается из дерева, нужно только раздобыть витую пружину, достаточно сильную для дальнего полета снаряда. Делается наше оружие так:

На основной доске 1 (см. рис.) укреплен угольник *2* с упором *3*. От угольника идет линейка *4*, также прочно сидящая на основной доске. К этой линейке крепится на шарнирах (гвозди, проходящие насквозь) дощечка *5* с жестяной баночкой *6*, к ней — взвод *7*, крючок *8*, рукоятка *9* и стопор для взвода (вертикальная доска, чтобы стопор сам не соскакивал с крючка). Крючок вырезан из дерева как на рисунке и вращается на оси — гвозде. Через верхнюю дырочку он толстой проволокой соединен с рукояткой *9*.

Работает катапульта просто: вырез взвода 7 заходит за крючок 8. Когда стрелок тянет за рукоять 9, он тянет крючок на себя, оттягивает крючком взвод, а последний отводит доску *5* с шишкой в банке до тех пор, пока крюк не соскочит со взвода; тогда под влиянием растянутой пружинки дощечка *5* с силой ударяется в упор *3*, и пуля вылетает вперед.

Всякое оружие требует пристрелки. Какое бы вы ни изготовили, испробуйте его на меткость, дальность полета и, поставив какую-нибудь неподвижную цель, с разных дистанций пробуйте стрелять. Ни пуля, ни стрелы никогда не летят по прямой линии: они делают в воздухе дугу, и, чтобы попасть в цель, нельзя целиться прямо в нее, а чаще всего — выше цели. Насколько выше, — это зависит от свойств оружия и дальности расстояния. Все это испытать на практике. Кроме того в зависимости от силы и направления ветра надо брать левее или правее. Насколько,—это достигается только опытом.

Отв. редактор Б. ИВАНТЕР Худ. редактор М. АСКИНАЗИ Издатель: Издательство ЦК ВКП(б) „Правда"

Сдан в набор 9/V—34 г., подписан к печати 25/VI—34 г. Изд. № 595 Формат 1½ 62×94 см. 1½ б. л. 135.009 п. зн. в бум. л.

Уполномоченный Главлита № В—84497. Типография газеты „Правда", Москва, ул. Горького 48. Заказ № 1696 Тираж 40.000